410
0-46
87056

1960

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

46
O-46 Ozarovskaia

О. Э. Озаровская

BABUSHKINY

Бабушкины старины

STARINY
PG-3114.3
MC .092

87056

Издательство
ОЗГНИ
Петроградъ
1916

Тип. Главн. Управл. Удѣловъ, Моховая, 40.

46

М. Д. Кривополёнова.

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/babushkinystarin00ozar

КОПІЯ.

Есть сказочный край на Руси... Все поражаетъ человѣка, попавшаго на русскій сѣверъ впервые: и неожиданная красота высокихъ алебастровыхъ береговъ съ черными таинственными пещерами надъ чистой широкой рѣкой, и переливы красокъ двухмѣсячнаго дня, пересѣкаемаго только краткой сонной тишиной, и крестьянскій бытъ, такъ непохожій на укладъ мужицкой жизни въ средней Россіи, и эта удивительная любовь къ слову, къ пѣснѣ, къ сказкѣ, ко всему чудесному.

Тамъ въ рѣкѣ еще живетъ «чертушко» съ тремя телячьими головами; въ лѣсу — «онъ»; въ дому—«хозяинъ»; въ теплой баенкѣ (банѣ)—ласковый, шутливый «байницекъ».

Тамъ, на рѣкѣ Пинегѣ, когда жонки идутъ за малиной, онѣ всегда должны быть готовы къ встрѣчѣ съ медвѣдемъ, встрѣчѣ мирной и

кроткой (медвѣдь всегда уходитъ), но отъ этой встрѣчи и у мужиковъ волосы встаютъ «дымомъ», и шапки на головѣ приподнимаются... Тамъ не ходятъ по грибы, а ѣздятъ «на кóняхъ въ телѣгахъ» цѣлыми семьями, всей деревней въ темные сузёмы (тайга) «ломать грибы»... и за нѣсколько часовъ съ непрерывнымъ ауканьемъ, чтобы не закружиться въ глубокихъ, одинаковыхъ съ виду «мургахъ» (огромныя воронкообразныя ямы—слѣды исчезнувшихъ лѣсныхъ озеръ), семья наломаетъ столько грибовъ, что ихъ засолу хватитъ на цѣлую зиму. Это большое важное дѣло, о которомъ говорятъ съ такой же заботой и волненіемъ, какъ и о страдныхъ работахъ, добыть грибовъ, которые подкормятъ зимою.

Тамъ, по берегамъ Пинеги, гдѣ корабельные лѣса пересѣкаются наволóками (лугами), окруженныя высокими черными пряслами (на нихъ сушатъ снопы золотого ячменя) стоятъ задумчивыя села съ дивными церквами. Въ высокихъ домахъ просторно живется крестьянину съ большой семьей. Избы въ пять-шéсть покоевъ не рѣдкость; всегда есть «гостиная горница» съ городской обстановкой, со множествомъ цвѣтовъ на окошкахъ.

И хозяинъ такой избы—не кулакъ, не міроѣдъ, а только здоровый работникъ. Было бы здоровье, а сѣверянинъ лѣсомъ, звѣремъ, да

рыбой всегда наживетъ денегъ и отъ излишка нарядитъ жонку и дочку въ узорчатые сарафаны, въ бархатный повойникъ или парчевую повязку. Любятъ и берегутъ тамъ старинные наряды, какъ и старинныя пѣсни, какъ и вѣковѣчные обряды.

Ну, рядомъ съ богатствомъ встрѣчаешь, конечно, и убогость—лютые морозы да вѣтры убиваютъ и хлѣбъ на корню и здоровье человѣка—и тогда удивляешься терпѣнью, выносливости и той силѣ благочестія, которое всегда, словно радостный золотой вѣнчикъ, украшаетъ сѣверную «сиротину» (нищаго).

Въ этомъ сказочномъ краю, гдѣ крестьянинъ, никогда не знавшій крѣпостного ига, жилъ свободно, хранилъ и любилъ слово и украшалъ имъ свою жизнь, какъ скатнымъ жемчугомъ, должна была случиться сказка и она случилась.

Давнымъ давно, въ деревнѣ Усть-Ежуга, при впаденіи рѣки Ежуги въ Пинегу, стояла маленькая черная избушка. Въ ней семь голодныхъ ртовъ и одна только пара рабочихъ рукъ, да и то женскихъ. Это—мать, работница неустанная, а съ нею четверо ребятишекъ, да старая бабка, да огромный столѣтній дѣдъ.

Дѣдъ съ дѣтьми водился, ростилъ ихъ вмѣсто таты. Мама оставитъ ребятишекъ въ избѣ, уйдетъ на работу, а дѣдъ, старый, таин-

ственный, притягательный, много видѣвшій, много слышавшій дѣдъ—съ ними. Имъ и любо. Дѣдъ въ молодости ходилъ по Зимнимъ Кедамъ, билъ морское звѣрье; оттуда вынесъ свои ста́рины.

И ребятишки пристаютъ:

— Дѣдушко! спой ста́рину... Дѣдушко! спой былину!

Дѣдушко заповорачивается, запокашливатъ,— то скоро дѣдушко запоетъ... Споетъ былину про Илью про Муровича, длинную, длинную.

— Дѣдушко, спой коротеньку!

Споетъ дѣдушко коротеньку, дѣти просятъ длинну. Ребятишекъ отколѣ ни возьмись штукъ пятнадцать въ избу ужъ набилось; всѣ слушаютъ: распѣлся дѣдушка.

И «внялась» въ эти старины одна крошечная Машутка, все упомнила и пронесла сквозь скудную, тяжкую жизнь драгоцѣнный свѣтильникъ поэзіи и донесла, уже старческими руками, до большого города, до молодой толпы, ей на улыбку и на радость.

А жизнь была скудная. Съ десяти лѣтъ пришлось побираться, ходить по кусочкамъ. Пришли годы: выдали Машу замужъ въ деревню Шотогорку. Для сиротины развѣ найдешь хорошаго жениха? Хоть и работница была Маша, а хозяйство все кривилось: мужъ пилъ, и на руку нечистъ былъ, и бродяжить любилъ.

А тутъ «зеленые года» [1]) пришли; семь подъ рядъ. Пришлось Марьѣ на телѣгѣ ѣздить по деревнямъ, собирать. Дѣти умирали, мужа убили бродяги на дорогѣ, осталась одна дочь.

Дочь вышла замужъ въ деревню Вѣегоры тоже бѣдно; хоть старалась опріютить мать, да откуда возьмешь, когда у самой ребятишки живутъ впроголодь.

И на старости лѣтъ, съ корзиной въ рукахъ, крошечная сморщенная Марьюшка бѣгаетъ по деревнямъ, собираетъ кусочки. Бѣлые, теплые внучатамъ снесетъ, черные высушитъ и сухарьки въ лавочку продастъ (тамъ ихъ для скота покупаютъ).

Ночуетъ, гдѣ Богъ приведетъ; добрымъ хозяевамъ и духовный стихъ споетъ и ста́рину, гдѣ рады. А кто не попроситъ, такъ для нихъ, что и «горло драть по напрасну». Своя гордость есть.

Было одно событіе въ жизни: наѣзжалъ «Москвецъ» [2]), записалъ всѣ ста́рины, на машину съ трубой голосъ снялъ. Пѣла ему съ радостью.

А потомъ еще пятнадцать лѣтъ мыкалась, нигдѣ не имѣя угла; даже у дочки заживаться не смѣла: не быть бы въ тягость. И такъ до 72 лѣтъ, до чуда, до счастливой встрѣчи.

Дочь не разъ говорила:

---

[1]) Голодные года, когда хлѣбъ еще зеленымъ, не успѣвъ запвѣсти, убивается морозомъ.

[2]) Собиратель былинъ А. Д. Григорьевъ.

— «Мама, да съѣзди ты въ городъ Пинегъ: тамъ хорошо подаютъ. Набрала бы,—намъ помогла».

— Я Пинега не знаю, не бывала. Лучше въ Архангельско поѣду. Тамъ знакомци есть. Хоть и дальше ѣхать, да ужъ знаю куда.

И собралась бабушка въ дальній путь изъ деревни Вѣегоры въ Архангельскъ. Забрала хлѣбца, сколько могла. Капитанъ знакомый даромъ посадилъ на пароходъ. Поѣхали внизъ по Пинегѣ.

А бабушку подстерегали горе и радость: надъ ея дочерью замахнулась уже смерть, а подъ городомъ Пинегой въ деревнѣ сидѣла съ карандашомъ и толстой тетрадью «Московка».

Задулъ вѣтеръ и загналъ пароходъ на мель. Два дня сидѣли на мели,—бабушка и пріѣла весь свой хлѣбъ.

Надо въ городѣ Пинегѣ выходить: не съ чѣмъ дальше ѣхать.

Вышла бабушка на берегъ. И впрямь хорошо подаютъ въ городѣ. «Пойду-ка въ сосѣднюю деревню—въ Великій Дворъ».

День сѣрый, вѣтеръ дуетъ бабушкѣ въ спину, такъ и гонитъ ее къ новому домику, гдѣ сейчасъ произойдетъ неслыханная встрѣча съ «Московкой».

Ну, теперь два слова о Московкѣ. И она была когда-то маленькой дѣвочкой, жила въ

большомъ городѣ, и у нея былъ сказочникъ: отецъ, по положенію офицеръ, по способностямъ математикъ, а по призванію—сказочникъ. Онъ своей младшей дѣвочкѣ разсказывалъ чудесныя сказки, а больше всего любилъ мечтать вслухъ, какъ они поѣдутъ на лошадяхъ по всей Руси, куда глаза глядятъ. И такъ умѣлъ онъ описать сладость краткаго знакомства съ Анюткой, дочкой толстопузаго хозяина постоялаго двора, ночевку въ избѣ съ задумчивыми тараканами, такъ научилъ любить эту вѣчную безпутную дорогу, что и маленькая дѣвочка изъ всѣхъ сказочныхъ чудесъ больше всего полюбила тотъ сѣренькій клубочекъ, который катится невѣдомо куда и тянетъ своей тонкой ниточкой впередъ да впередъ.

И когда дѣвочка выросла, судьба послала ей прилежный клубочекъ. Онъ неустанно катался, сжигаемый волшебнымъ любопытствомъ, выбиралъ неожиданныя тропинки, благополучно докатывался до боярскихъ хоромъ, отдыхалъ, свертывался сѣренькій и снова развертывался, катился, сверкая блестящими нитями, къ крестьянскому порогу. И подкатился къ ногамъ нищенки.

Обѣ женщины зорко смотрѣли другъ на друга. Голодная нищенка подумала, не подастъ-ли «Московка» больше чѣмъ кусокъ хлѣба, а Московка подумала, не лежитъ-ли у нищенки

подъ корками хлѣба скатный жемчугъ. И оказалось полно лукошко.

Есть примѣта на Сѣверѣ: если съѣшь у нищаго отъ трехъ кусковъ, будетъ тебѣ счастье.

Старая нищенка, Марья Дмитріевна Кривополѣнова такъ сердечно угощала меня теплыми, только что поданными въ городѣ шáнежками (шаньга—лепешка), что я незамѣтно для себя съѣла завѣтные три куска.

И вышло счастье. Для насъ обѣихъ.

Нельзя было не полюбить бабушки съ первой встрѣчи. А когда разсыпала она передъ нами свой старинный словесный жемчугъ, ясно увидѣли мы, что передъ нами настоящая артистка.

— Бабушка, поѣдемъ въ Москву?

— Поѣдемъ!

Храбрая, какъ артистъ. Односельчане руками всплескивали:

— Куда ты, бабка? Вѣдь помрешь!

— А невелико у бабушки и костьё, найдется-ле гдѣ мѣсто его закопать!

И поѣхала бабушка со мной въ Москву. А въ Москвѣ не одной мнѣ, а многимъ тысячамъ показала, какая она артистка.

Маленькая, суховькая, — а дыханье, какъ у заправскаго пѣвца!

Три зуба во рту,—а произношенье четкое на диво!

72 года, а огня, жизни—на зависть молодымъ!

И не поразили ее чудеса большого города. Трамваи, автомобили, магазины съ невиданными товарами—все это скользнуло, не задѣвъ души лѣсной бабушки. Но ея артистическая душа жадно впитала въ себя тотъ духъ старины, которымъ вѣетъ отъ Москвы для всякаго художника. Бабушка здѣсь въ Москвѣ получила оправданіе своимъ пѣснямъ, и по той огромной радости, съ которой она говорила объ этомъ, можно заключить, какъ дороги были ей ея пѣсни.

Подумайте: всю жизнь пѣла о Каменной Москвѣ, объ Иванѣ Грозномъ, о Марьѣ Демрюковнѣ, и все здѣсь нашлось:

— «Ужъ правда, каменна Москва: дома каменны, земля каменна...

«Ивана Грознаго своими глазами видѣла (т. е. портретъ), знаю ужъ, что не врака, а быль-же, бывало»!

Ѣхать въ Замоскворѣчье—значить ѣхать къ Скарлюткѣ (къ дому Малюты Скуратова); Каменный мостъ—сталъ «калиновымъ» мостомъ...

Но и сама Москва отвѣтила любовью на бабушкину радость. Всѣ, кто бывалъ на ея выступленіяхъ, помнятъ то умиленное восхищеніе, съ какимъ толпа смотрѣла на бабушку.

Въ Петроградѣ, гдѣ бабушка провела двѣ недѣли, былъ такой же пріемъ. Въ газетахъ о ней писались восторженныя, огромныя статьи.

Обѣ столицы обезпечили бабушкѣ старость, и бабушка уѣхала на родину, послѣ 3-хъ мѣсячнаго пребыванія здѣсь, осыпанная подарками, богатая и напоенная славой и радостью.

То, что бабушка называетъ однимъ словомъ «ста́рины», мы раздѣляемъ на три вида эпическихъ пѣсенъ: былины, историческія пѣсни и скоморошьи.

Изъ былинъ она больше всего любитъ самую длинную про «Илью Муровича и Калина царя».

Такъ какъ многіе слышали бабушку, восхищались ею и даже успѣли полюбить ее, то имъ, думается, пріятно будетъ прочитать или спѣть былину такъ, чтобы исполненіе напомнило бабушку возможно живѣе; поэтому текстъ напечатанъ съ сохраненіемъ бабушкинаго произношенія.

Мѣстоименія и прилагательныя въ родительномъ падежѣ она произноситъ такъ, какъ мы пишемъ: молодого, его, а не молодова, ево, какъ произносимъ мы; когда слогъ начинается звукомъ *и*, она его произноситъ, какъ йи: у йихъ, Йилья. Но это въ текстѣ не обозначено.

Въ неударныхъ слогахъ у всѣхъ сѣверянъ *о* звучитъ, какъ *о*, но у бабушки произношеніе въ этомъ случаѣ ближе къ Московскому: она часто неударное *о* произноситъ, какъ *а*. Въ этихъ случаяхъ и напечатано *а*. Звукъ *ч* у нея звучитъ очень мягко, похоже на *ц*, большей частью ближе къ ч, а иногда ближе къ ц. Въ духовныхъ стихахъ, которые она выучила отъ матери, чаще звучитъ явное *ц* вмѣсто *ч*, въ старинахъ—рѣже. Возможно, что у дѣда было московское или близкое къ нему произношеніе, потому что произношеніе Марьи Дмитріевны Кривополѣновой замѣтно уклоняется отъ произношенія ея земляковъ въ сторону московскаго. Такіе случаи въ Архангельской губерніи не рѣдки.

У нея, какъ и у всѣхъ сѣверянъ, и въ пѣсняхъ, и въ рѣчи встрѣчается одна любопытная особенность, сохранившаяся отъ очень древняго времени,—приставки въ концѣ именъ существительныхъ (или замѣняющихъ послѣднія именъ прилагательныхъ, мѣстоименій, числительныхъ, причастій). Приставки эти какъ бы ближе опредѣляютъ предметъ, привлекая къ нему большее вниманіе. Сообразно роду и числу существительнаго, онѣ измѣняются: для мужского рода *отъ*, для женскаго—*та*, для средняго *то*, для множественнаго числа—*тѣ*: царь-*отъ*, матушка-*та*, лапоньки-*тѣ* бѣленьки. Изобиліе подобныхъ приставокъ особенно замѣтно въ «Кастрюкѣ».

Исполнители былинъ называются сказителями, и это вѣрное названіе: нельзя бѣдный по музыкѣ мотивъ называть пѣсней, и въ то же самое время въ исполненіи былинъ чрезвычайно важно умѣнье выразительно «сказывать».

Бабушка Кривополѣнова и плѣнила всѣхъ своимъ драматическимъ талантомъ: своей мимикой, своимъ искусствомъ мѣнять тембръ голоса въ зависимости отъ развитія дѣйствія въ содержаніи.

Часто пѣніе она прерываетъ своими собственными замѣчаніями или поясненіями, потому что вся она во власти своихъ образовъ, и отъ полноты переживанія ей мало былиннаго текста. Эти ея собственныя замѣчанія напечатаны курсивомъ въ скобкахъ.

87088

СОЛОВЕЙ БУДЕМЕРОВИЧЪ И ЗАПАВА ПУТЕВИСЬНЯ.

Изъ-подъ вѣтерья [1]) какъ кудрявого,
Изъ того орѣшва зеленого
Тутъ бѣжитъ, выбѣгаетъ тридцать на́садовъ
А и три, и два, и единъ карапь;
Тутъ и носъ-корма по змѣинному.
У прибѣгишша какъ ладейного,
У того присталишша карабельнего
Опускали парусы полотненны,
Ишша тѣ жа якори булатные;
Онѣ ходенки мечютъ коньци на́ берегъ.
А пришолъ кокъ тутъ младый Со́ловей,
Ишша младый Соловей Будеме́ровичъ.
А пришолъ какъ онъ зъ-за-Синя́ моря́
Онъ Владимеру князю подарки берё:
Онъ вѣдь сорокъ сороковъ и черныхъ соболей.
Онъ кнегины Опраксѣи подарки берё:
Педесятъ аршинъ хрущатой камки;
Ишша въ золоти камо́цька не помнитсе [2]).
И не помнитсе, и не согнитьсе.

---

[1]) Вѣроятнѣй: де́ревья.
[2]) Не помнётся.

КОПІЯ
87056

А пошелъ какъ тутъ младый Соловей,
Онъ пашолъ ка городу ко Нѣпрському.
Онъ вѣдь будя въ городи во Нѣпрськомъ;
Онъ въ гридню идё не съ упадками,—
Отпираё онъ двери на́ пету.
Онъ идё въ гридню,—да Богу молитсе,
Онъ Владимеру князю поклоняитьсе;
Онъ Владимеру князю подарки даритъ:
Онъ вѣдь сорокъ сороковъ и черныхъ соболей;
Онъ кнегины Опраксѣи подарки даритъ,
Педесятъ аршинъ хрущатой камки,
А и въ золоти комоцька не помнетсе,
И не помнитьсе, и не согнитьсе.
Ишша князь комоцьку розвертывалъ,
Ишша князь узоры высматривалъ:
А хитры-мудры узоры заморскіе.
Говорилъ какъ тутъ Володимёръ князь:
«Ужъ ты ой еси младый Соловей!
«А и што тибѣ тако надобно?
«Ишша надобно ле дворы мои,
«А дворы мои все стоялые,
«А стоялы дворы мои, боярьскіе?
Говорилъ какъ тутъ младый Соловей,
Ишша младый Соловей Будимировичъ,
Гаварилъ какъ онъ таково слово:
«А и не надобно мнѣ дворы твои,
«А и дворы твои все стоялые,
«А-й стоялы дворы твои, боярьскіе;
«Ужъ ты дай минѣ загонъ земли
«Ишша супративъ Запавьина вишенья».
(*Што ли у ей што есть: садъ какой?..*)

Ишша тотъ жа какъ Владимёръ князь
Отдаетъ какъ Соловью загонъ земли,
Што ва той ва улици Жироевлиньской,
Ишша супротивъ Запавьина вишенья.
Какъ у Соловья были плотницьки,
Они шшолканы и прошшолканы:
(*Таки были бойкіе*).
Они къ утру, къ свѣту построились,
Они пастроили тутъ какъ три терема,
А три терема златоверховаты.
Ишша та Запава Путевисьня
А ставала по утру ранешенько,
Умываласе водой ключёвою,
Утиралась полотеньцемъ тоненькимъ.
А-й взглянула Запава въ свое вишеньё,
(*Што нибудь сажено было, кто знаетъ!*)
Ишша тутъ Запава здивоваласе:
«Ишша што така за диковинка?
«Ишша кто вновó построилса?
«И построилъ тутъ какъ три терема,
«А три терема златоверьховаты?
«Я пайду ко князю-ту спрашивать».
Ишша та Запава Путевисьня
А-й пошла ко князю вѣдь спрашивать:
А и въ гридню идё не съ упадками.—
Отпираётъ двери тутъ на пету;
А и въ гридню идё,—да Богу молитьце,
А Владимеру князю поклоняитсе:
«Ты Владимёръ, князь стольнекіевской!
«Ишша што така за диковина?
«Ишша хто такой вново настроилса»?

Гаварилъ какъ тутъ Владимёръ князь:
«Ужъ ты ой еси, Запава Путевиськя!
«А построился младый Соловей Будимеровичъ;
«А пришолъ какъ онъ зъ-за синя моря,
«Ишша онъ тутъ вновo настроилса».
Ишша та Запава Путевиськя
Говоритъ она таково слово:
«Ужъ ты ой еси, ты Владимеръ князь!
«Я пайду къ нему насватыватьсе;
«Не возьметъ ле онъ въ-за собя взамужъ»?
Какъ та Запава Путевиськя
А пошла ко Соловью навязыватьсе.
По первой терёмъ припа́ла, послушала:
Тутъ шолчятъ-молчятъ, ничего не говорятъ;
Ишша тутъ Запава догадаласе:
«Ишша тутъ у Соловья казна стоитъ».
По второй теремъ припала, послушала:
Тутъ шолчятъ-молчятъ, ничего не говорятъ;
Ишша тутъ Запава догадаласе:
«Тутъ живетъ Соловьева тутъ матушка,
«Ишша молитця за Соловья здоровьице».
По третей теремъ припала, послушала:
Тутъ пѣсни поютъ и гудки гуднутъ;
Ишша тутъ Запава догадаласе:
«А-й сѣдитъ какъ тутъ младый Соловей
«А и младый Соловей Будимеровичъ».
«А сидитъ на стулѣ ременьчатомъ,
«А игратъ во гусли во звоньчяты».
А въ гридню́ идетъ не съ упадками,—
Отпираётъ двери тутъ на́ пету;
А въ гридню идетъ,—Богу не молитьсе.

Гаварилъ какъ тутъ младый Соловей:
Ужъ ты ой еси, Запава Путевисьня!
«Ишша што тя, Запава, нынь крѣтня взяла,
«А крѣтня взяла неизумѣлая»?
(*Безумничала, вишъ ты, говоритъ...*)
Гаваритъ Запава Путевисьня:
«А меня Запаву не крѣтня взяла,
«Не крѣтня взяла неизумѣлая,—
«Я пришла къ тебѣ вѣдь насватыватьсе;
«Не возьмешь ле ты за собя взамужъ»?
Гаваритъ какъ тутъ младый Соловей:
«Ужъ ты дай ты строку на малой чясъ
«Мнѣ сходить къ государыни ка матушки,
«Попросить у ей благословеньиця».
Онъ пошелъ вѣдь тутъ младый Соловей,
А пошелъ вѣдь онъ къ своей матинки,
Онъ вѣдь падатъ матушки въ рѣзвы́ ноги́
«Ужъ ты гой, государыня матушка!
«Бласлови ты миня нынь жонитисе
«А на той Запавы Путевисьны:
«Ишша нынь Запава сама пришла».
Гаваритъ вѣдь тутъ Соловьёва матушка:
«Тибя Богъ бласловитъ чядо милоё,
«А тобѣ на Запавѣ жонитисе».
А пошелъ какъ тутъ млады Соловей,
А пошелъ къ Запавы Путевисьни.
Они сватались, тутъ сосватались,
По рукамъ они тутъ ударились,
Слово на слово вѣдь положили;
Они клали заповѣдь крѣпкую,
Они клали заповѣдь на три года вѣдь,

А сходить вѣдь Соловью за синё море.
Наставляли пáрусы полóтняны,
Направляли якори булатные;
Отправлялса тутъ младый Соловей,
Отправлялса онъ за синё морё..
Ему далъ Богъ пóвѣтерь попутную.
Какъ ва ту пару, во то врéмечько
Изъ-водъ вѣтерья какъ кудрявого,
Изъ того орѣшва зеленого
А бѣжитъ прибѣгищо лодейноё,
А лодейное карабельнёё:
А се три, се два, се единъ карапь.
У прибѣгища какъ лодейного,
У того присталища карабельнего
Опускали пáрусы полотнены
Опускали якори булатные,
Они ходенки мечютъ коньци на берегъ.
А пришолъ какъ тутъ ишша шшапъ молодой,
Ишша шшапъ маладой и Давыдъ Поповъ.
Онъ Владимеру князю подарки берё:
Онъ вѣдь сорокъ сороковъ и чернúхъ соболей;
Онъ кнегины Опраксѣи подарки берё:
Педдесятъ аршынъ хрущатой камкú
Ишша въ золоти камоцькa не помнетьсе,
И не помнетьсе, и не согнитьсе.
А-й пошёлъ какъ тутъ ишша шшапъ молодой,
Ишша шшапъ малодой и Давыдъ Поповъ;
И пошелъ ко городу ко Нѣпрському,
А и будя во городи во Нѣпрськомъ;
Онъ въ гридню идё не съ упадками,—
Отпираётъ онъ двери на пету.

Онъ въ гридню идетъ,—Богу молитьсе,
Онъ Владимеру князю поклоняитьсе;
Онъ Владимеру князю подарки даритъ,
Онъ вѣдь сорокъ сороковъ и черныхъ соболей;
Онъ кнегины Опраксѣи подарки даритъ,
Педдесятъ аршынъ хрущатой камки.
Ишша кнезь камоцьку развертывалъ;
Ишша князь узоры высматривалъ:
А хитры-мудры узоры заморскіе,
Ишша въ золоти камоцька не помнетсе,
И не помнетсе и не согнетсе.
Гаварилъ какъ тутъ Владимёръ князь:
«Ужъ ты ой еси, ишша шшапъ молодой,
«Ишша шшапъ молодой и Давыдъ Поповъ!
«А и што тибѣ да такó надобно?
«Ишша надобно ле дворы мои
«А-й дворы мои ле боярьскіе?»
Гаварилъ какъ тутъ ишша шшапъ маладой:
«Ишша надо мнѣ и дворы твои,
«А и дворы твои все стоялые,
«А-й стоялы дворы твои все боярьскіе».
Гаварилъ вѣдь тутъ ишша шшапъ моладой:
«Я пайду топеръ къ Соловьевой матушки,
«Я скажу вѣдь ей какъ про Соловья.
«Ишша нынь вѣдь Соловья живаго нѣтъ:
«Розметало по морю по синему,
(*Ишь какой враль!*)
«По тому жа по полю по чистому;
«Мы вѣдь другъ другá не спóзнали».
Какъ пашёлъ вѣдь тутъ шшапъ маладой,

Онъ пашелъ вѣдь тутъ къ Соловьёвой матушки
(*Врать пошелъ!*)
Ишша сказывать ей про Соловья:
«Ужъ ты зрасвуёшъ, Соловьева матушка!
«Я пришолъ сказать тобѣ про Соловья.
«Ишша нынь вѣдь Соловья живаго нѣтъ:
«Розметало по морю по синему,
«По тому жа по полю по чистому;
«Мы вѣдь другъ друга не спознали».
Ишша та тутъ Соловьева тутъ матушка
А-й пошла вѣдь къ Запавы отказыватьсе:
«Ужъ ты гой еси, Запава Путевисьня!
«Ишшо нынь, Запава, тѣ своя́ воля́,
«Тѣ своя воля: куды хошъ поди;
«Ишша нынь вѣдь Соловья живаго нѣтъ:
«Розметало по морю по синему,
«По таму жа по полю по чистому».
А пришелъ вѣдь ныньче и шшапъ молодой,
Ишша шшапъ маладой и Давыдъ Поповъ;
Онъ вѣдь сталъ на Запавы тутъ свататьси.
Они сватались, тутъ сосватались,
По рукамъ они тутъ ударились.
А Владимёръ князь у ихъ тысяцкимъ,
А кнегина Опраксѣя матушкой.
Повелась у ихъ тутъ вѣдь свадёбка.
Изъ-подъ вѣтерья какъ кудрявого,
Изъ того орѣшва зеленого
А бѣжитъ, выбѣгаетъ тридцать насадовъ:
А и три, и два, и единъ карапь.
У того присталища карабельнего
Опускали па́русы поло́тнены,

Опускали якори булатные,
Они ходенки мечютъ коньци на берегъ,
А пришолъ какъ тутъ младый Соловей
А и младый Соловей Будимировичъ.
Онъ пашолъ ко городу ко Нѣпрському.
Онъ вѣдь будя въ городи во Нѣпрському:
Онъ идетъ въ гридню не съ упадками,—
Отпираётъ двери онъ на пету;
Онъ въ гридню идетъ,—да Богу молитьсе,
А корминици матенки поклоняйтьсе:
«Ужъ ты зрасвуёшъ, родна матушка!»—
— Ужъ ты зрасвуёшъ, млады Соловей
— А и младый Соловей Будимировичъ!
— А пришолъ какъ нынь зъ-за синя моря,
— А пришолъ какъ нынь ишша шшапъ маладой;
— А сказалъ про Соловья: «живаго нѣтъ:
— Розметало по морю по синему,
— По тому жа по полю по чистому».
— Я хадила къ Запавы отказыватьсе:
— «Нынь тебѣ, Запава, своя воля
— А-й своя воля: куды хошъ, поди».
— А и шшапъ молодой и Давыдъ Поповъ
— Онъ вѣдь сталъ на ей тутъ вѣдь свататьсе;
— Они сватались, тутъ вѣдь сосватались,
— По рукамъ они тутъ ударились;
— А Владимеръ князь у ихъ тысяцкимъ,
— А кнегина Опраксѣя матушкой;
— А ведетьсе у ихъ нынь вѣдь свадёбка. —
Гаваритъ какъ тутъ младый Соловей,
«Ужъ ты ой, государыня матушка!
«Я пойду къ имъ вѣдь на свадебку».

А пашелъ какъ тутъ младый Соловей,
А-й пашелъ вѣдь къ нимъ на свадёбку.
Онъ въ гридню идетъ не съ упадками, —
Отпираё двери онъ на пету;
А въ гридню идё, — Богу молитьсе,
А Владимеру князю поклоняитьсе,
Поклоняитьсе со кнегиною;
А ишша самъ говорилъ таково слово;
«Ужъ ты ой еси, ишша шшапъ маладой!
«Ты зачѣмъ омманывашъ мою матушку,
«Ты зачѣмъ берешъ мою обрушьницю?»
Его за руку хватилъ, дакъ выхватилъ;
На долонь посадилъ, другой росхлопнулъ.
(*Этакой боготыришшо! Сохрани его Богъ! Его и судить нихто не можетъ*).
Онъ вѣдь бралъ Запáву за бѣлы́ руки́,
А поѣхали они ко Божьей церкви́.
А Владимёръ князь у ихъ тысяцкимъ,
А кнегина Опраксѣя матушкой.
Повелась у нихъ тутъ свадёбка.

ИЛЬЯ МУРОВИЧЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Што изъ далечя да изъ чистá поля,
Изъ того роздолья широкого,
Тутъ не грузна тучя подымаласе,
Тутъ не оболоко накаталосе,
Тутъ не оболоко обкаталосе,—
Подымался собака злодѣй Калинъ царь,
За имъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
За имъ сорокъ королей, королевичей,
За имъ силы мелкой числу-смѣту нѣтъ.
Какъ по-руському на сороки верстахъ
Тутъ и Кіевъ градъ знаменуетсе,
А и церькви соборны оказаютсе.
Становилъ собака тутъ бѣлъ шатеръ.
У его шатра золоченой верхь.
Онъ садился на стулъ на рименьчятой,
А писалъ ерлыкъ, скоро написывалъ,
Онъ скорѣй того запечятывалъ,
Отдаетъ паслу немилосливу
А-й тому Борису королевичю:
«Ужъ ты ой еси, Борисъ, королевичь сынъ!
«Ужъ ты будешъ въ городи въ Кіеви
«У великого княза у Владимера,—
«Не давай ты строку на малой чясъ».

Ишшо тутъ Борисъ, королевичь сынъ,
Онъ беретъ ерлыкъ, во корманъ кладетъ,
Онъ вѣдь скоро скачётъ на добра коня,
Онъ вѣдь ѣдётъ къ городу Кіеву,
Ко великому князю, ко Владимеру.
Становилъ коня къ дубову́ столбу,
Онъ везалъ коня къ золоту́ кольцю.
Онъ въ гридню идетъ не съ упадками,—
Отпираётъ двери онъ на пету;
Онъ въ гридню идетъ,—Богу не молитьсе;
Черезъ столъ скочилъ, самъ во мѣсто сѣлъ.
Онъ выматъ ерлыкъ, на сто́лъ кладетъ,
Ишша самъ говоритъ таково слово:
«Ты Владимёръ, князь стольникіевьской!
«Ты бери ерлыкъ, роспичятывай,
«Ты скорѣ того прочитывай;
«Ты миня посла не задерживай».
Какъ Владимеръ, князь стольнекіевьской,
Онъ беретъ ерлыкъ во свои́ руки́,
Отдаетъ Добрынюшки Микитичю.
Говорилъ Добрынюшка Микитичь сынъ:
«Я не знаю грамоты латыньскоё,
«Ты отдай Олеши Поповичю».
Отдаютъ Олеши Поповичю.
(У того было мозгу въ головы, дакъ...)
Какъ Алешичька и Поповиць сынъ,
Онъ вѣдь скоро ерлыкъ роспичятывалъ,
Онъ скорѣ того прочитывалъ.
Онъ скорѣе того же прочитывалъ.
Говорилъ какъ онъ таково слово:
«Ты Владимёръ, князь стольникіевьской!

«Харошо въ ерлычьки написано
«А написано со угрозою,
«А су той угрозой великою:
«Какъ стоитъ собака царь середи поля;
«За имъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
«За имъ сорокъ королей, королевичей,
«За имъ силы мелкой числу-смѣту нѣтъ.
«Какъ по руському на сороки верстахъ
«Онъ вѣдь проситъ города Кіева
«Безъ бою, безъ драки, безъ сѣченья,
(*Какъ нынѣшній ерманецъ*).
«Безъ того кроволитья великого».
Запечалилса нашъ Влодимеръ князь,
Запечалилса-закручинилса;
Онъ повѣсилъ буйную голову
А на ту на правую сторону,
Потупилъ онъ очи въ мать сыру землю.
Какъ во ту пору, во то времечько
Выходилъ какъ старъ казакъ Илья Муровичь;
Говорилъ какъ онъ таково слово:
«Ты Влодимёръ стольнекіевьской!
«Ты бери свои золоты ключи,
«Отмыкай-ко погребы глубоки-жа;
«Ты насыпь ралечь нисту золота, [1])
«Ты второй насыпь чиста сéребра,
«Ты третéй ларець скатна земчюга;
«Ты дари-ко Бориса королевичя,
«Ты проси-ко строку на три мѣсяця,
«Штобы всѣмъ во городи покаятьсе,

[1]) «Ларецъ чисту золота». Очевидно, бабушка заучивала въ дѣтствѣ еще именно такъ.

«Намъ покаятьсе да исповѣдатьсе».
Ишша тутъ жа какъ Владимёръ князь
Онъ беретъ свои золоты ключи,
Отмыкаё погребы глубоки жа;
Онъ насыпалъ ралечь нисту золота,
Онъ второй насыпалъ чиста серебра,
Онъ третей насыпалъ скатна земьчюга,
А даритъ Бориса королевичя,
А просилъ вѣдь строку на три мѣсяця,
Штобы всѣмъ во городи покаятьсе,
Намъ покаятьсе да исповѣдатьсе.
Ишша тутъ Борисъ, королевичь сынъ,
Не даетъ вѣдь строку на три мѣсеця;
Онъ даетъ вѣдь строку только на три дня.
(*Все-жь таки далъ*)!
Спроважали Бориса королевичя,
Спроважали кнезья и бóяра;
А во ту пору, во то времечько
Запечялилса нашъ Владимёръ князь,
Запечялилса-закручинилса:
Онъ повѣсилъ буйную голову
Што на ту на праву сторону,
Потупилъ онъ очи въ мать сыру землю.
Какъ во ту пору, во то времечько
Выходилъ какъ старъ казакъ Илья Муровичь,
Выходилъ на середу кирпичнею;
Онъ вѣдь молитьсе Спасу Пречистому,
Онъ вѣдь Божьёй Матери, Богородици.
Онъ пошелъ Илья на конюшонъ дворъ;
Онъ беретъ своёго добрá коня;
Онъ накладыватъ уздицю тасмянную;

Онъ вуздатъ во уздилиця булатные;
Онъ накладывалъ тутъ вѣдь войлучёкъ,
Онъ на войлучёкъ сѣделышко;
Подпрягалъ двѣнадцеть подпруженёкъ,
А ишша двѣ подпружки подпрягаюци
А не ради басы, [1]) ради крѣпости,
А не шшибъ бы богáтыря дóброй конь,
А не шшибъ бы богáтыря въ чистóмъ поли.
Онъ вѣдь скоро скачётъ на добрá коня;
У воротъ приворотниковъ не спрашивалъ,—
А махалъ черезъ стѣну городовую,
А и ѣхалъ онъ день до вечера,
А и темну ночь до бѣла свѣту.
Пріѣзжаетъ онъ ко меньшой рѣки,
Ко меньшой рѣки, ко синю морю;
Онъ нашелъ тутъ тридцать три богáтыря.
Овъ съ добра коня слѣзываючи,
Онъ низкóй поклонъ имъ воздаваючи:
«Ужъ вы здрастуйте, дóньски кáзаки»!
— Ужъ ты зрасвуёшъ, нашъ вѣдь батюшкó,
— Ужъ ты старъ казакъ да Илья Муровичь!
— Ты давно ли изъ города Кіева?
— Але все ли у насъ тамъ по старому,
— А и все ли у насъ тамъ по прежному?—
Говоритъ какъ тутъ да Илья Муровичь:
«Ужъ вы ой еси, доньски казаки!
«И во городи у насъ, во Кіеви
«Не по старому, не по прежному;
Какъ стоитъ царь собака середи поля;

---

[1]) Красоты.

«За имъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
«За имъ сорокъ королей, королевичей,
«За имъ силы мелкой числу-смѣту нѣтъ.
«Какъ по-руському на сороки верстахъ
«Онъ вѣдь проситъ города Кіева
«Безъ бою, безъ драки, безъ сѣченья,
«Безъ того кровопролитья великого».
Говорилъ какъ тутъ да Илья Муровичь:
«Ужъ вы ой еси, доньски казаки!
«Ужъ вы будите стоять ле за Кіёвъ градъ,
«Вы за тѣ за церкви соборные,
«Вы за тѣ мана́стыри церьковные,
«За того за князя, за Владимера»?
Говорятъ какъ тутъ доньски казаки:
— Ужъ ты батюшко нашъ, старъ казакъ!
— Ишша какъ не стоять намъ за Кіёвъ градъ,
— Намъ за тѣ за церькви соборные,
— Намъ за тѣ манастыри церьковные,
За того за князя за Владимера?—
Они скоро скачютъ на добры́хъ коней
И поѣхали къ городу къ Кіеву,
Ко великому князю ко Владимеру,
И поѣхало тридцеть три бога́тыря,—
Затресласе матушка сыра земля.
Они будутъ въ городи въ Кіеви,
У великого князя у Владимера.
Зрадовался тутъ Владимеръ-отъ
Онъ на радошшахъ имъ и пиръ средилъ,
Онъ и пиръ средилъ, пировати сталъ.
Ишше всѣ на пиру напивалисе,
Они всѣ на чесномъ наѣдалисе.

Какъ одинъ на пиру не упиваитсе
А и старъ казакъ да Илья Му́ровичь;
Ишша самъ говорилъ таково слово:
«Ужъ вы ой еси, доньски казаки!
«Нынь приходитъ времечко строчьнеё.
«А кому у насъ ныньче ѣхати
«На ту ли силу невѣрную»?
Говорятъ какъ доньски казаки:
«Ужъ ты батюшко нашъ, старъ казакъ!
«Ты останьсе въ Кіеви въ городи
«Стерекчи-сберекчи кнезя Владимера».
Гаварилъ какъ тутъ да Илья Муровичь:
«Тутъ не честь-хвала молодечькая,
«Ой не выслуга богатырская—
«Какъ Илейки въ Кіеви остатисе,
«Будутъ малы робята всѣ смѣятисе».
Ишша тутъ Илья поѣжжаётъ жа
А на ту на силу невѣрную.
Онъ беретъ съ собою только товарышша,
Онъ берётъ Добрынюшку Микитичя;
И беретъ вѣдь второго товаришша,
Онъ Торопъ-слугу да мала паруха;
Онъ трои́ма тутъ поѣжжаётъ вѣдь
Онъ на ту на силу невѣрную.
А выходятъ на середу кирпичнею
Они моляться Спасу Пречистому,
Они Божьей Матери, Богородици;
Они скоро скачютъ на добрыхъ коней,
У воротъ приворотниковъ не спрашивали,—
Они машутъ черезъ стѣну городовую.
Они ѣдутъ какъ по чисту полю,—

Во чистомъ поли курева стоятъ,
Въ куревы богатырей не видѣти.
Выѣжжаютъ на поле чистое
А на ту на силу невѣрную.
Ишша тутъ два братьця испужалисе,
Испужалисе-устрашилисе
Они той вѣдь силы невѣрною;
Говорятъ они таково слово:
«Ужъ ты батюшко нашъ, старъ казакъ!
«Ты поставь этта намъ бѣлъ шатёръ,
«Дай ты намъ опочинъ дёржать».
Какъ поставилъ Илья тутъ имъ бѣлъ шатёръ,
Ишша далъ вѣдь имъ опочинъ дёржать;
Самъ онъ тутъ имъ вѣдь наказывалъ
А наказывалъ наговаривалъ:
«Ой еси, вы два братця родимые!
«Ужъ вы ой еси, доньски казаки!
«Какъ Елейки худо будё можитьсе,—
«Натену я стрѣлоцьку каленую
«Я спушшу этта вамъ во бѣлъ шатеръ;
«Ужъ вы гоните тогды во всю голову,
«Вы рубите старого и малого».
Ишша самъ Илья думу думаётъ:
Онъ не знаетъ, котору да ѣхати;
Онъ поѣхалъ силой середкою;
Поворотитсе,—дакъ переулками.
Онъ вѣдь день рубился до вечера,
Онъ и темну ночь до бѣла свѣту,
Не пиваючи, не ѣдаючи,
А добру коню отдóху не даваючи.
Какъ Илейки стало худо можитьсе;

Натенулъ онъ стрѣлочку каленую,
Онъ спустилъ богатырямъ во бѣлъ шатеръ.
Ишша тутъ богáтыри ото сну скочúли,
Они скоро скачютъ на добрыхъ коней,
Они гонятъ тутъ во всю голову,
Они рубятъ стараго и малого.
Они день рубились до вечера,
Они темну ночь до бѣла свѣту,
Не пиваючи, не ѣдаючи,
А добрымъ конямъ отдóху не даваючи;
А прибили всѣхъ до единаго.
Ишша тутъ два братця не натѣшились,
Не натѣшились приросхвастались.
А одинъ говорилъ таково слово:
«А было-бъ въ матушки, въ сырой земли,
«А было бы въ ей золото кольцё,—
Поворотилъ бы матушку сыру землю».
А другой говорилъ таково слово:
«А была бы на небо лиственица, [1])
«Я прибилъ бы тамъ до единого».
По грѣхамъ по ихъ такъ вѣдь сдѣлалось:
А который сѣченъ былъ на двое,
А возстало тутъ два тотарина;
А которой сѣченъ былъ на трое,
И возстало тутъ три тотарина.
Гаворитъ какъ тутъ да Илья Муровичь:
«Ужъ вы гой еси, два братёлка!
«По грѣхамъ по нашимъ такъ сдѣлалось».
Они поѣхали силой, середкой;

---

[1]) Лѣстница.

Поворотятсе,—дакъ переулками.
Они бились день да до вечера,
Они тёмну ночь до бѣла свѣту,
Не пиваючи, не ѣдаючи,
А добрымъ конямъ отдóху не даваючи;
И прибили всѣхъ до единого.
Ишшо тутъ два братця гдѣ дѣвалисе,
Я не знай, куда подѣвалисе.
(*За похвасны слова скрозь землю прошли*).
А одинъ Илья оставаитьсе.
Онъ поѣхалъ къ городу къ Кіёву
Ко великому князю ко Владимеру.
(*Дальше не поетця, а говоритця. Дѣдушко такъ*)...
Становилъ коня къ дубову столбу,
Онъ везалъ коня къ золоту кольцю.
Онъ въ гридню идетъ не съ упадками,—
Отпираё двери онъ на пету;
Онъ вѣдь молитьсе Спасу Пречистому,
Онъ вѣдь Божьей Матери, Богородици;
Онъ Владимеру князю поклоняитьсе:
«Ты Владимёръ князь стольникіевьской!
«Ишша то вѣдь дѣло у насъ сдѣлано,
«Ишша та роботушка сроблена.
«Только не знать, гдѣ два братця дѣвалисе
«И не знать, куда потерялисе.
«Какъ перва они да испужалисе;
«А потомъ они не натѣшились,
«Не натѣшились, приросхвастались.
«А одинъ говорилъ таково слово:
«—А было бы въ матушки въ сырой земли,
«—А было бы въ ей золото кольцё,—

«— Поворотилъ бы матушку сыру землю,
«— Я прибилъ бы тамъ до единого».—
«А другой говорилъ таково слово:
«— А было бы на небо листвеця,—
«— Я прибилъ бы тамъ до единого.—
«По грѣхамъ по нашимъ такъ сдѣлалось:
«А которой сѣченъ былъ на двое,
«А востало тутъ два тотарина;
«А которой сѣченъ былъ на трое,
«А востало тутъ три татарина».
Говоритъ какъ тутъ Владимѣръ князь:
«Ишша нѣтъ какъ ихъ,—дакъ не искать же стать».
Онъ на радошшахъ тутъ и пиръ средилъ,
Онъ и пиръ средилъ, пировати сталъ.

ИЛЬЯ МУРОВИЧЪ И ЧУДИЩЕ.

Было́ у насъ во Царѣ́-гради́
Наѣхало проклятоё чюдишшо.
Да самъ вѣдь какъ онъ семи hаршынъ,
Галова у его да какъ пивной котелъ,
А но́жишша какъ-быть лыжишша,
Да ру́чишша да какъ-быть гра́блишша,
Да гла́зишша да какъ-быть ча́шишша.
У царя Костянтина Атаульевичя
Сковали у его да ноги рѣзвые
Тѣма́ жа залѣзами нѣмецькима́,
А свезали его да руки бѣлые
Тѣма же опутьеми шолковыма,
Кнегину Опраксѣю въ палонъ взели.
Во ту-то пору да во то времечько
Перепа́хнула вѣска за рѣку Москву,
Во тотъ же какъ вѣдь Кіёвъ градъ
Къ тому же вѣдь да къ Ильи Муровичю:
«Да ой еси ты, Илья Муровичь!
«Ужъ ты знаёшь ле, про то вѣдаёшь?
«Помёркло у насъ да соньцо красное
«Потухла звѣзда да поднебесная:

«И нынѣче у насъ во Царѣ-градѣ
«Наѣхало проклятое чудишшо;
«А самъ какъ онъ изъ семи ѣаршынъ,
«Голова его да какъ пивной котелъ,
«А ножишша какъ-быть лыжишша,
«А ручишша какъ-быть граблишша;
«А глазишша какъ-быть чашишша.
«У царя Костянтина Атаульевичя
«Сковали у его да ноги рѣзвы же
«Тѣма́ же залѣзами нѣмецькима,
«Свезали его руки бѣлые
«Тѣма же опутьями шолковыма,
«Кнегину Опраксѣю въ полонъ взели».
Да тутъ же вѣдь да Илья Муровичь
Надѣваётъ онъ тутъ платьё цвѣтное
Выходитъ на середу кирпицнею
Молитьсе Спасу Пречистому.
Да Божьей Матери, Богородици.
Пошелъ Илья на конюшонъ дворъ
И беретъ какъ своего добра коня,
Добра коня со семи цѣпей;
Накладыватъ уздицю тасмянною,
Уздатъ во уздилиця булатные,
Накладыватъ тутъ вѣдь войлучекъ,
На войлучекъ онъ сѣделышко;
Подпрегалъ онъ двѣнадцать подпруженёкъ,
Ишша двѣ подпружки подпрягаютси
Не ради басы, да ради крѣпости,
Не шшибъ бы бога́тыря доброй конь,
Не оставилъ бы бога́тыря въ чистомъ поли.
Да скоро онъ скачётъ на добра коня;

У воротъ приворотниковъ не спрашивалъ,—
(*Они думали, поѣдетъ воротами*)
Да онъ машотъ черезъ стѣну городову жа.
Ѣдётъ онъ по чисту́ полю́,—
Во чистомъ-то поли да курева́ стоятъ,
Въ куревы́-то бога́тыря не видѣти.
Да ѣхалъ онъ день до вечера,
А темну-то ночь до бѣла свѣту,
Не пиваючи онъ, да не ѣдаючи,
Добру коню отдо́ху не даваючи.
Конь-отъ подъ имъ какъ потпинатьсе сталъ.
Бьетъ онъ коня и по тучьнимъ ребрамъ:
«А волчья сыть [1]), травяной мѣшокъ!
«А што тако подпинаисьсе,
«Надо мной надъ бога́тырёмъ надсмѣхаисьсе?»
А конь скочилъ,— за рѣку пере́скочилъ.
А прошло три дороги широкихъ—е
А не знатъ Илья, да куда ѣхати.
А во ту пору, во то времечько
Идетъ какъ калика да перехожая,
Перехожа калика безымянная.
Говоритъ какъ тутъ да Илья Муровичь:
«Ужъ ты здравсвуёшь, калика перехожая,
«Перехожа калика безымянная!
«А гдѣ ты былъ да ты куда пошёлъ?»
Отвѣчаетъ калика да перехожая,
Перехожа калика да безымянная:
— Я иду вѣдь тутъ изъ Царя-града,
Я пошёлъ вѣдь тутъ во Кіёвъ градъ.—

---

[1]) То, что насыщаетъ волка.

Говорилъ какъ тутъ да Илья Муровичь:
«Ужъ ты ой еси, калика перехожая,
«Перехожа калика безымянная!
«А што у васъ да во Царѣ-гради?
«Ишша всё ле у васъ тамъ по старому,
«Ишша все ле у васъ тамъ по прежному?»
Говоритъ какъ калѝка перехожая,
Перехожа калика безымянная:
«Ужъ ты ой еси, да Илья Муровичь!
«А у насъ вѣдь нынь во Царѣ-гради
«Не по старому, не по прежному.
«А потухло у насъ соньцё красноё,
«А помёркла звѣзда поднебесная:
«Какъ наѣхало проклятоё чюдишшо;
«Ишша самъ какъ онъ семи аршинъ,
«Голова его какъ пивной котёлъ,
«А и ножишша, какъ-быть лыжишша,
«А и ручишша, какъ-быть граблишша,
«А и глазишша какъ-быть чяшишша.
«У царя Костянтина Атаульевичя
«Ишша скованы ноги рѣзвые
«А тѣма жа залѣзами нѣмецькима,
«Ишша связаны руки бѣлые
«А-й тѣма опутьями шолковыма».
Говоритъ какъ тутъ Илья Муровичь:
«Ужъ ты ой еси, калика перехожая,
«Перехожа калика безымянная!
«Ишша платьемъ съ тобой мы поминямьсе:
«Ты возьми у мня платье богатырскоё»,
«А отдай минѣ платьё калицькоё».
Говоритъ какъ калика перехожая:

«Я бы нé взялъ платья богатырьскаго,
«Я бы не отдалъ платья калицького,
«А едно у насъ солнышко нá неби,
«А единъ у насъ могýтъ богатырь
«А старó казакъ да Илья Муровичь;
«А съ тобой съ Ильей дакъ и слова нѣтъ».
Они платьёмъ тутъ да поминялисе.
Ишше тутъ же вѣдь Илья Муровичь
Онъ вѣдь скинулъ платьё богатырскоё,
А одѣлъ собѣ платьё калицькоё
И оставилъ калики добрá коня.
Онъ вѣдь самъ пошелъ тутъ каликою;
Ишша клюцькой [1]) идё потпираитьсе,—
Ишша клюцька подъ имъ изгибаитьсе:
Говоритъ тутъ Илья Муровичь:
«Не по мнѣ ета клюцька и кована,
«Ишша мало залѣза ей складено;
«Ишша сорокъ пудъ во единой фунтъ».
(*Не худой видно самъ былъ*).
А идетъ какъ калика да по Царю́-граду;
А скрыцялъ какъ онъ да по калицькому,
Засвистѣлъ какъ онъ по богатырьскаму,—
А проклятоё тутъ чюдишшо
Оно чуть сидитъ на лавици.
А та же калика перехожая,
А идетъ вѣдь къ чюдишшу въ свѣтлý гридню́.
Онъ вѣдь молитьсе Спасу Пречистому,
Онъ вѣдь Божьей Матери, Богородици.
А сидитъ проклятоё чюдишшо,

[1]) Часто пѣла бабушка вмѣсто «клюцькой»—«троской».

А сидитъ оно вѣдь на лавици;
Ишша самъ какъ онъ семи аршынъ,
Голова его какъ пивной котелъ,
Ишша ножишша, какъ-быть лыжишша,
Ишша ручишша, какъ-быть граблишша,
Ишша глазишша, какъ-быть чашишша.
Говоритъ какъ проклятое чудишшо:
«Ужъ ты ой еси, калика перехожая!
«Ужъ ты гдѣ ты былъ, куды ходилъ?»
— Ужъ я былъ во городи во Кіеви
— У стара казака да Ильи Муровичя.
Говоритъ какъ тутъ вѣдь ишше чюдишшо:
«А каковъ у васъ и могутъ богатырь,
«Ишша старъ казакъ да Илья Муровичь?»
Говоритъ калика перехожая,
Перехожа калика безымянная:
«А таковъ у насъ могутъ богатырь,
«Ишша старъ казакъ да Илья Муровичь:
«А въ одинъ мы день съ имъ родилисе,
«А въ одной мы школы грамоты училисе,
«А и ростомъ онъ такой, какъ я.»
Говоритъ проклятоё чюдишшо:
«Ишша много ле онъ хлѣба къ выти [1]) съѣсъ?»
Говоритъ калика перехожая:
«Отъ ковриги краюшецку отрушаётъ,
«А и той краюшкой троё сутки живетъ.»
Говоритъ проклятое чюдишщо:
«По сторублевому быку да я вѣдь къ выти ѣмъ!»
Говоритъ какъ калика перехожая,

[1]) За разъ.

Перехожа калика да безымянная;
— «У насъ, у попа была коровушка обжориста
«Да много жорила, ей и рóзорвало!»
Говоритъ проклятое чюдишшо:
«Я и буду въ гóроди въ Кіеви,—
«Ишше буду я какъ баранъ тусёнъ,
«Какъ баранъ тусёнъ, какъ соколъ есёнъ;
«Стару казака да Илью Муровичя
«На долóнь посажу, другой рóсхлопну,—
«У его только и мокро пойдё.»
Стоитъ какъ калика перехожая,
Онъ смыаё шляпоцьку воскрыньцату,
Онъ и взгрѣлъ чюдишша по буйнóй главы.
Покатилась голова, какъ пивной котелъ.
Тутъ вѣдь пáвелы и юлáвелы.
Ишше та его сила невѣ́рна жа
И схватали тутъ да Илью Муровичя,
А сковали его ноги рѣзвы жа
А—й тѣма залѣзами нѣмецькима,
А свезали его руки бѣлы жа
Тѣма же опутьями шолковыма.
Говоритъ какъ тутъ да Илья Муровичь:
«Ужъ ты Спасъ, ужъ ты Спасъ Многомилосливъ,
«Ужъ ты, Божья Мать, Богородиця!
«Ужъ вы што на миня да екъ прогнѣвались?»
Приломалъ всѣ залѣза нѣмецкіе,
Онъ пирвалъ опутьни шолковые;
Онъ вѣдь сталъ по силы тутъ похажывать,
Онъ вѣдь сталъ ту силу поколачивать,
Онъ прибилъ ихъ всѣхъ до единого.
Ишша ихны тѣ вѣдь тулова

Онъ выкидыватъ окошечькомъ на улоцьку,
Ишша самъ онъ имъ приговариватъ:
«А пушшай ваши тѣ вѣдь тулова
«А—й сѣрымъ волкамъ на розры́ваньё,
«А черны́мъ ворона́мъ на росклёваньё,
«Ишша малымъ робятамъ на изры́ганьё».
У царя Констянтина Атаульевичя
Росковалъ у его да ноги рѣзвые,
Розвезалъ у его руки бѣлые;
А кнегину Опраксѣю назадъ вѣдь взялъ;
Посадилъ онъ ихъ тутъ на царство жа.
А пошелъ какъ тутъ да Илья Муровичь,
А приходитъ онъ ко меньшой рѣки
Ко тому калики перехожое.
Ишша тутъ калика перехожая,
Перехожа калика безымянная
И не можотъ онъ его конемъ владать,
А его коня въ поводу водитъ.
Они платьёмъ тутъ розминялисе:
Ишша тотъ вѣдь да Илья Муровичь.
Онъ вѣдь скинулъ платьё калицькоё,
Онъ одѣлъ вѣдь платье богатырское.
Ишша тутъ они розъѣзжжалисе,
Ишша они тутъ роспрошшалисе;
А Илья поѣхалъ домой вѣдь тутъ,
А калика пошелъ, куды надомно.

МОЛОДОСТЬ ДОБРЫНИ И БОЙ ЕГО СЪ ИЛЬЕЙ МУРОВИЧЕМЪ.

Во славномъ во городи во Кіеви
Былъ тутъ Никита Родомановичь.
Девеносто онъ лѣтъ жилъ, пристарилса,
Онъ пристарилса, да тутъ припокоилса.
Оставаласе семья любимая
Да чесна вдова Омыльфа Тимоѳеёвна;
Оставалса Добрынюшка Микитичь младъ
Онъ не въ полномъ уми, не въ полномъ разуми,
Не въ великомъ Добрынюшка возрости:
Онъ не можотъ Добрыня на кони сидѣть,
Онъ не можотъ Добрынюшка канéмъ владать.
Ишша сталъ какъ Добрыня лѣтъ двѣнадцети,
Онъ пáдалъ своей матушки въ рѣзвы́ ноги́:
«Ужъ ты ой, государыня матушка!
«Чесна вдова, Омыльфа Тимоѳеёвна!
«Блаослови-тко миня выйти на улоньку
«Ишша съ малыма робятами пойграти».
Да которы робята двадцети пети́,
Ишша онъ вѣдь Добрыня да лѣтъ двѣнадцети.

«Тибя Богъ бласловитъ, чядо милоё,
«А мóлоду Добрынюшку Микитичя младъ,
«А тибѣ жа какъ выйти на улоньку
«Ишша съ малыма робятами пойграти».
Да которы робята двадцети пети,
Ишша онъ вѣдь Добрыня да лѣтъ двѣнадцети.
А пошелъ какъ Добрынюшка на улоньку,
Ишшо сталъ онъ шутоцьки зашучивать:
Куго за руку возьметъ,—руку выдернётъ,
Куго за ногу подопнетъ,—ногу вышыбё,
По бѣлóй шеи ударитъ,—голова вѣдь съ плечь.
Доходили ети жалобы великіе жа,
Доходили до его вѣдь до матинки,
До чесной вдовы Омельфы Тимоѳеёвны.
А мóлодый Добрынюшка Микитичь младъ
Онъ пáдалъ своей матинки въ рѣзвы ноги.
«Ужъ ты ой, государыня матушка!
«Блаослови-тко миня итти-ѣхати
«Да во далечё во чисто полё
«Да учитьсе натуры богатырской жа».
Добрынина та матушка росплакалась:
«Ужъ ты молоды Добрынюшка Микитичь младъ!
«Ты не въ полномъ уми, не въ полномъ разуми,
«Не въ великомъ, Добрынюшка, возрости:
«Да напрасно головушка погибнетъ вѣдь».
Онъ вѣдь падаетъ своей матушки во второй наконъ [1])
«Ужъ ты ой, государыня матушка!
«Блаословишь ты миня, я поѣду жа,
«Не благословишь ты миня, я поѣду жа».

---

[1]) Разъ.

— Тибя Богъ бласловитъ чядо милоё,
— Да мóлоду Добрынюшку Микитичя,
— Тибѣ ѣхать во далечё въ чистó полё
— А учитьсе натуры богатырской жа.—
А молоды Добрынюшка Микитичь младъ
Онъ выходитъ на сéреду кирписнею,
Онъ молитьсе Спасу Пречистому,
Онъ Божьей-то Матери, Богородици.
Да пошелъ какъ Добрыня на конюшонъ дворъ.
Онъ берётъ вѣдь тутъ добра коня,
Онъ добра-та коня со семи цѣпей;
Онъ накладыватъ уздицю тасмяную,
Уздатъ во уздилиця булатные;
Онъ накидывалъ Добрынюшка войлучекъ,
Онъ на войлучекъ Добрынюшка сѣделышко;
Подпрягалъ онъ двѣнадцать подпруженекъ,
А ишша двѣ подпружки подпрягаютци
Да не ради басы, ради крѣпости:
Да не шшибъ бы богáтыря доброй конь,
Не оставилъ бы богáтыря въ чистóмъ поли.
Надѣваётъ онъ латы булатные,
Да беретъ онъ съ собой палку воинную,
Да беретъ онъ съ собой саблю вострою,
Онъ беретъ вѣдь съ собой востро́ копье,
Беретъ онъ съ собой и булатный ножъ,
Скоро онъ скачётъ на добра коня;
У воротъ приворотниковъ не спрашивалъ,—
Онъ махалъ черезъ стѣну городóвую.
Ишша ѣхалъ Добрыня по чисту́ полю,—
Въ чистомъ-то поли курева стоятъ,
Въ куревы какъ богáтыря не видѣти.

Какъ во ту-то пору, въ то-то времечько
Ко той вдовы Омыльфи Тимоѳеёвны
Пріѣжжала полениця удалая,
Ишша старъ-отъ казакъ Илья Муровичь.
Становилъ онъ коня къ дубову столбу,
Да вязалъ онъ коня къ золоту кольцю.
Да въ гридню онъ идетъ не съ упадками,—
Отпираетъ онъ двери тутъ на пету.
А молитьсе Спасу Пречистому,
А Божьей-то Матери, Богородици,
А чесной вдовы Омыльфы поклоняитьсе.
А чесна вдова Омыльфа Тимоѳеёвна
А поитъ поленицю, она кормитъ тутъ;
А сама поленици наказыватъ,
Да наказыватъ поленици, наговариватъ:
«Ужъ ты, ахъ, полениця удалая,
«Ужъ ты старъ казакъ, Илья Муровичь!
«Ты поѣдёшь, Илья, во чисто поле;
«Ты увидишь мое чядо милоё,
«Ишша молоды Добрынюшку Микитичя;
«Не придай ты ему смерти скорое.»
Ишша тутъ полениця поѣжжаётъ вѣдь,
А чесна вдова Омыльфа спровожаётъ тутъ.
Скоро полениця скачётъ на добра коня,
Ишша ѣдетъ Илья по чисту полю,—
А молоды Добрынюшка Микитичь младъ
Ишша ѣздитъ Добрыня по чисту полю,
А учитьсе натуры богатырской жа:
А правой рукой копьемъ шурматитъ,
А лѣвой рукой онъ подхватыватъ.
А крыцитъ, какъ зыцитъ полениця удалая

Да старъ казакъ Илья Муровичь:
«А пора, полениця, съ тобой съѣхатьсе,
«А пора, полениця, намъ побрататьсе.»
А Добрынюшка тутъ испужаитьсе,
А конь-отъ подъ имъ и подпинаитьсе.
А бьетъ онъ коня по тучьни́мъ ребра́мъ:
«Ужъ ты, волчья ты сыть, травеной мѣшокъ!
«И што тако ты подпинаисьсе,
«Надо мной надъ бога́тыремъ надсмѣхаисьсе?»
Крицитъ какъ полениця, да во второй наконъ:
«На уѣздъ ужъ тобѣ не уѣхати!»
Какъ двѣ горы вмѣстяхъ столконулисе,—
Два богатыря вмѣстяхъ съѣжжалисе.
Они бились палками воинныма;
По насадкамъ палки розгорялисе;
Они другъ вѣдь друга не ранили,
А кидали палки на сыру землю.
Они сѣклись саблеми вострыма;
Ишше сабельки пошшорбалисе;
Они вѣдь другъ друга не ранили,
Они кидали сабли на сы́ру земл́ю.
А кололись копьеми вострыма,
Другъ вѣдь друга не ранили;
По насадкамъ у нихъ копья обломалисе;
А кидали они копья на сыру землю.
Слѣзовали бога́тыри со добры́хъ коней,
А схватались бога́тыри во плотно́й тутъ бой.
Ильина нога да окатиласе,
Окатиласе да нога лѣвая;
Ишша сплылъ Добрыня на бѣлы груди,
Ишша хочётъ пороть груди бѣлые,

Онъ хочё смотрѣть ретивó серьцё,
Ишша самъ говорилъ таковó словó:
«Не чесь-то-хвала молодецькая,
«А-й не выслуга-та богатырска жа—
«А убить полениця во чистомъ поли
«А безъ спросу ей и безъ вѣдома;
«Ужъ ты, охъ, полениця удалая!
«Ты коéй земли, коёго города?»
Говоритъ полениця удалая:
«Ишша былъ бы у тя я на бѣлы́хъ грудяхъ,—
«Не просилъ бы ни дядины, не вóтьчины,
«А поролъ бы у тя я груди бѣлы жа,
«А смотрѣлъ бы у тя я ретивó серьцё.
«Я изъ славнаго городя изъ Кіева;
«Ишше старо казакъ да Илья Муровичь,
«Илья Муровичь сынъ Ивановичь».
А и молоды Добрынюшка Микитичь младъ
Ишше скачётъ онъ со бѣлыхъ грудей,
Ишше падать ему во рѣзвы́ ноги́:
«Ужъ ты, батюшко нашъ, стары́й казакъ!
«Ты старó казакъ да Илья Муровичь!
«Ты прости миня въ таковой вины».
Они скоро скачютъ на добрыхъ коней.
А Илья поѣхалъ по чисту полю.
А Добрыня поѣхалъ къ своей матёнки,
А къ чесной вдовы Омыльфы Тимрóеёвны;
Становилъ коня къ дубову столбу,
Онъ везалъ коня къ золоту кольцю.
А въ гридню идетъ,—Богу молитьсе,
Своей матёнки до поклоняетьсе:
«Ужъ ты здрастуёшь, моя матушка,

«Чесна вдова да Омыльфа Тимоѳеёвна!»
— Ужъ ты здрасвуёшь, мое дитятко,
— Да молоды Добрынюшка Микичь младъ!—
Говорилъ Добрынюшка Микитичь-отъ,
Говорилъ онъ вѣдь своей матёнки:
«Ишша былъ я Добрыня во чистомъ поли;
«Я побилъ поленицю удалую,
«Я стару казака Илью Муровича»,
Говоритъ тутъ да ро́дна матушка,
Ишша та вдова Омыльфа Тимоѳеевна.
«Ужъ ты ой еси, мое дитетко,
«Ишша молоды Добрынюшка Микитичь младъ!
«Ишша то вѣдь тибѣ родной батюшко».
Ишша тутъ ему за бѣду стало,
За ту кручинушку великую.
(*Ишь, мать сказала, што онъ не замужемъ былъ прижитъ, онъ вѣдь не зналъ, што сколотной* [1]) *былъ*).
Онъ вѣдь скоро скачётъ на добра коня,
Онъ поѣхалъ тутъ по чисту полю.
(*Хотѣлъ найти Илью Муровичя да убить его, да гдѣ его сыскать. Илью-то? Поѣздилъ, да такъ и пріѣхалъ*).

[1]) Внѣбрачный.

КУПАНЬЕ ДОБРЫНИ И БОЙ ЕГО СО ЗМѢЕМЪ ГОРЫНИЩЕМЪ.

А мóлоды Добрынюшка Микитичь младъ
Не въ полномъ уми, не въ полномъ разуми,
Не въ великомъ Добрынюшка возрости.
Надѣваетъ Добрынюшка платьё цвѣтноё;
Онъ пошолъ какъ Добрыня на конюшонъ дворъ;
Беретъ какъ своего добра коня,
Онъ добра-та коня со семи цѣпей;
Онъ накладыватъ уздицю тосмянную;
Онъ вуздатъ во уздилиця булатные;
Онъ накидывалъ Добрынюшка войлучекъ,
Онъ на войлучекъ Добрынюшка сѣделышко;
Подпрегалъ онъ двѣнадцеть подпруженекъ,
Ишша двѣ подпружки потпрегаютси
Да не ради басы́, ради крѣпости;
Да не шшибъ бы богатыря добрый конь,
Не оставилъ бы богатыря въ чистомъ поли.
Скоро онъ скачётъ на добра коня;
А беретъ онъ съ собой только тугой лукъ,
Ишша тугой-отъ лукъ, калену стрѣлу́.
Ишша ѣдётъ Добрыня по чисту полю,—
Во чистомъ-то поли курева стоитъ,

Въ куревы какъ богатыря не видѣти.
Ишша ѣхалъ Добрыня день до вечера,
Онъ темну-то ночь до бѣла свѣту,
Не пиваючи онъ, не ѣдаючи
Да добру коню отдóху не даваючи.
Да пріѣхалъ Добрыня ко меньший рѣки,
Ко меньшой-то рѣки, ко синю морю.
Скиновалъ тутъ Добрыня платьё цвѣтное,
Ишша нагъ вѣдь Добрынюшка до ниточьки,
Оставлятъ только Добры́ня единъ пуховъ колпакъ.
Ишша поплылъ Добрыня по синю морю,-
Ишша выплылъ Добрыня на первý струю;
Богатырьско-то серьцё зарывьчиво:
Да зарывьчиво-то серьцё заплывьчиво:
Ишша поплылъ Добрыня на втору струю,—
Да втора-та струя добрé относиста;
Отнесла какъ Добрыню за синё морё.
И тамъ плаватъ змѣишшо Горынишшо:
(*Змѣишшо леталъ на Святую Русь, со святой Руси людей живкóмъ уносилъ и унесъ у Владимера—князя Племянницю, и Добрынюшка зажалѣлъ ей, такъ здумалъ воротить...*)
«Сказали, отъ Добрыни мнѣ-ка смерть будё;
«А нынь вѣдь Добрыня у меня въ рукахъ;
«А хочю я, Добрыню хоть цѣлкомъ сглону,
«Да хочю я, Добрыню хоть съ конемъ стопчю».
А молоды Добрынюшка Микитичь младъ
Ишша тутъ жа змѣишшу возмолилосе:
«Ужъ, ты охъ, змѣишшу Горынишшо!
«Ужъ ты дай мнѣ строку на малой чясъ
«Ишша выплыть Добрынюшки на крутъ берегъ

«А и на тотъ же Добрыни россыпной песокъ».
Тутъ же змѣищшо Горынишшо
Да даетъ ему строку на малой чясъ
А молоды Добрынюшки Микитичю.
А выплылъ Добрынюшка на крутъ берегъ
Да на тотъ Добрыня россыпной песокъ.
Ишша нагъ вѣдь Добрынюшка до ниточьки,
Только у Добрыни единъ пуховъ колпакъ.
Онъ сыматъ какъ пуховъ колпакъ со буйно́й главы,
Засыпатъ онъ песку, хрещу сѣрого,
Онъ шшыбъ какъ змѣишшу во черны́ глаза:
Онъ шшыбъ какъ у змѣишша три хо̀бота,
А три хобота шшыбъ онъ три го́ловы.
Ишша тутъ же змѣишшо возмолилосе:
«Ужъ ты молодый Добрынюшка Микитичь младъ!
«Не придай ты минѣ смерти скорое;
«Ужъ я дамъ тобѣ заповѣдь крѣпкою:
«Не летать бы мнѣ змѣишшу на светую Русь,
«Не носить бы со святой Руси живкомъ людей;
«Ишша дамъ тѣ Добрыни платьё цвѣтноё,
«Ишша дамъ тѣ Добрынюшки добра коня,
«Я Владимера князя дамъ племянницю».
А пошли они на гору Окатову
Да писали они заповѣдь крѣпкую:
Не летать больше змѣишшу на светую Русь,
Не носить бы со светой Руси живкомъ людей;
Да даетъ вѣдь Добрыни платье цвѣтное,
Да далъ онъ Добрынюшки добра коня,
Да Владимера князя далъ племянницю.

ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ.

(Историческая).

Было у насъ да во Царѣ-градѣ,
Да не было ни дядины, не вотчины,
Да жилъ какъ былъ прозвитель царь,
Прозвитель-отъ царь Иванъ Васильевичь.
Была семья его любимая,
А былъ у его только бо́льшой сынъ,
А и бо́льшое сынъ Ѳедоръ Ивановичь.
Говорилъ какъ онъ таково слово:
«А по этому мосту по калинову
«А много и было хожоно,
«А много было и ѣжжоно,
«А горячей крови много пролито».
А тутъ какъ царю за бѣду стало
А за ту кручинушку великую.
(*Царь своимъ судомъ судилъ, много народу билъ*)
Онъ крыцитъ-зыцитъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, эхъ, палачи вы да немилосливы!
«Вы берите царевичя за бѣлы руки,
«Вы ведите царевичя во чисто полё
«Вы ко той ко плахи ко липовой,
«Вы рубите его да буйну голову
«Вы на той на плахи на липовой».

Ишша всѣ палачи испужалисе,
Ишша всѣ палачи устрашилисе.
Какъ единъ палачь не устрашилса,
Тутъ Скарлютка воръ, Скурлатовъ сынъ.
Онъ беретъ царевичя за бѣлы руки,
Онъ ведетъ царевичя во чисто полё
Онъ ко той ко плахи ко липовой,
Да хочё рубить да буйну голову.
А во ту пору, да во то времечько
Перепахнула вѣска за рѣку Москву,
А во тотъ жа во Кіёвъ градъ,
А къ тому же вѣдь ко дядюшки,
А къ тому же Микиты Родомановичю:
«Ужъ ты ой еси, нашъ дядюшка,
«Ужъ ты же Микита Родомановичъ!
«Ужъ ты знаёшъ ле, про то вѣдаёшь:
«Какъ помёркло у насъ соньцё красноё,
«А потухла звѣзда поднибесная,—
«Какъ погибъ цяревичь за Москвой рѣкой
«А и большоё Ѳёодоръ Ивановичъ?»
Ишша тутъ же вѣдь какъ и дядюшка,
Ишша тотъ жа Микита Родомановичь,
Онъ вѣдь скачё съ постелюшки со мяхкою;
Онъ обулъ какъ сапожки на босу ногу,
Онъ схватилъ талупъ за единъ рукавъ;
Онъ крыцитъ-зыцитъ своимъ конюхамъ:
«Ужъ вы ой еси, мои конюхи!
«Подводите мнѣ и добра коня».
Онъ вѣдь скоро скачётъ на добра коня,
Онъ вѣдь гонитъ тутъ во всю голову;
Крычитъ онъ зычитъ громкимъ голосомъ:

«Розодвиньтесь-ко да вы, народъ Божей».
Онъ засталъ Скарлютку на зáмахи;
А самъ говорилъ таково слово:
«Ты Скарлютка воръ, ты Скарлатовъ сынъ!
«Ты не за свой гужъ ты примаисьсе.
«А кабы тѣ тѣмъ гужомъ подавитисе.
«Ты поди, Скарлютка, во чисто полё,
«А сруби у тотарина буйну голову;
«Ты приди къ царю,—саблю на столъ клади,
«Ишша самъ говори таково слово:
«— Ишша то дѣло у насъ сдѣлано,
«— Ишша та работушка сроблена --».
Онъ беретъ цяревичя за бѣлы руки,
Онъ садилъ цяревичя на добра коня;
Онъ самъ коня въ поводу повелъ.
Скарлютка воръ да какъ Скарлатовъ сынъ,
Пошелъ какъ онъ да во чисто поле.
Онъ срубилъ у тотарина буйну голову.
Онъ пришелъ къ царю,—саблю на столъ кладётъ:
А самъ говоритъ таково слово:
«Ты прозвитель царь, Иванъ Васильевичь!
«У насъ то вѣдь дѣло нынь сдѣлано,
«У насъ та роботушка сроблена».
Зажалѣлъ какъ тутъ прозвитель царь,
Зажалѣлъ какъ онъ своего сына,
Ишша большого Ѳёдора Ивановичя;
Ишша самъ говорилъ таково слово:
«А какъ пó вори да по Гогарини
«Ишша много еєь какъ жалóбныхъ тутъ,
«А по моемъ по сыни по Ѳедори
«Некугó-то нѣту жалóбного».

Приходила панафида шесьнедѣльняя,
А прозвитель царь Иванъ Васильевичь
А паходитъ онъ поминать сына
А и большего Ѳедора Ивановичя.
А итти то нать мимо Кіёвъ градъ,
Да мимо дядьево-то подворьиця.
А у дядюшки и за пиръ такой,
А што тако да за весельицё.
А скрыцялъ какъ тутъ прозвитель царь,
Онъ скрыцялъ вѣдь тутъ громкимъ голосомъ:
(*Нихто не велѣлъ тебѣ разгоречитьсе то!*)
«Ужъ ты ой еси, мой дядюшка!
«А што у тя и за пиръ такой,
А што у тя и за весельицё?
«Ты не знаёшь-ле, не вѣдаёшь:
«А помёркло у насъ соньцё красноё,
(*Экой былъ герой! Боисе его, перебоисе, все народъ своимъ судомъ судилъ*).
«А потухла звѣзда подьнебесная,—
«Какъ погибъ царевичь за Москвой рѣкой,
«Ишша большоё Ѳедоръ Ивановичь?»
Какъ выходитъ тутъ его дядюшка,
Ишша тотъ жа Микита Родомановичь;
Онъ выходитъ тутъ на красно крыльце.
Говорилъ какъ тутъ прозвитель царь:
(*Эка громогласна старина!*)
«Ужъ ты ой еси, ты мой дядюшка!»
Ишша ткнулъ копьемъ во праву ногу:
(*Экъ разгоречился какъ!*)
«Ишша што у тя и за пиръ такой,
«Ишша што у тя за висельицё?

«Ты не знаёшь-ле, не вѣдаёшь:
«А помёркло у насъ соньцё красноё,
«А потухла звѣзда поднебесная,—
«А погибъ царевичь за Москвой рѣкой,
«Ишша большое Ѳёодоръ Ивановичь?»
Говоритъ какъ тутъ его дядюшка,
Ишша тотъ же Микита Радамановичь:
«Ужъ ты ой еси, мой племянничёкъ,
«А прозвитель царь Иванъ Васильевичь!
«Ужъ ты хошъ,—чѣмъ тобя обрадую,
«Тибя большимъ-то сыномъ Ѳедоромъ,
«Ишша Ѳедоромъ тибя Ивановичемъ».
Онъ выводитъ цяревичя на красно крыльце
Да большого-то Ѳедора Ивановичя.
Зрадовался тутъ прозвитель-царь,
Прозвитель царь Иванъ Васильевичь:
Онъ беретъ тутъ вѣдь своего сына,
Онъ беретъ его за бѣлы руки;
Онъ цѣлуетъ въ уста во сахарны жа;
Ишша самъ говорилъ таково слово:
«Ужъ ты гой еси, ты мой дядюшка!
«Ишша чѣмъ тобя буду жаловать?
«У тебя злата-серебра не менѣ моего».
(*Пиръ средили, пировать стали. Не осудите бабушку*).

СМЕРТЬ КНЯЗЯ ДОЛГОРУКОГО.

(Историческая).

Намъ не дорого не злато да чистое сéребро
И дорога-то наша любовь да молодецькая.
Ишша злато, чисто серебро скоро минуитьсе,
А и дорога-то наша любовь не позабудитьсе.
Середи то было Китаю да славного города:
А и тутъ стояли палаты да бѣлокаменны.
Што во тѣхъ-жа да во палатахъ было да бѣлокаменныхъ,
Тутъ не мурава трава въ поли да шаталасе,
Не лазурьевы цвѣтоцьки къ земли преклонялисе,
Тутъ и бьютъ челомъ царю солдаты, да ниско кланяютьсе;
«Ужъ ты гой еси, надежда да православной царь,
«Ужъ ты дай намъ судъ на князя да Долгорукого».
Говорилъ какъ тутъ надежда православной царь:
«У меня на Долгорукого суда нѣту,
«Вы судите-ко Долгорукого своимъ судомъ,
«Вы своимъ судомъ судите да рукопашкою,
«Вы берите-ко слегу [1]) да долгомѣрною,
«Долгомѣрною слегу да семи аршинъ,
«Семи она аршинъ да семи она верьховъ.
«Вы ломайте у Долгорукого хрустальни ворота».

---

[1]) Бревно.

Тутъ берутъ вѣдь какъ солдаты да все долгу слегу,
И долгу слегу да все семи аршинъ,
И семи-то аршинъ она была семи верьховъ [1]).
Они ломаютъ у Долгорукого хрустальни ворота.
Какъ выходитъ Долгорукой онъ на красно крыльцё.
«Ужъ вы гой еси, солдаты да новобраны,
«Ишшо што да вамъ, робята, да тако надомно?
«Ишшо надо вамъ робятамъ да разѣ чисто серебро?»
Тутъ спроговорятъ солдаты да новобраные:
«Намъ не надомно солдатамъ чисто-серебро,
«Ты отдай намъ наше жалованье
«Хлѣбно и мундерно и денежно».

[1]) Вершковъ.

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ И ДОМНА.

Ишша сватался Митрей князь
Ишшо сватался Михайловичь
На Домны Ѳалилеевны
Онъ по три года, по три зимы,
Отъ дверей не отхóдучи,
Да отъ воротъ не отъѣдучи,
Да какъ пошелъ, пошелъ Митрей князь
Да онъ ко ранной заутрени
Да къ чесной ранной воскрисеньское.
Увидала его Домнушка
Да Домна Ѳалилеёвна:
«Да éво Митріё кутыра йидё,
«Да какъ кутыра-та боярьская,
«Да какъ сова заозерьская:
«Голова-та у Митрея
«Да какъ котёлъ пивоваренной,
«Глаза-ти у Митрея
«Да какъ двѣ кошки ордастые, [1])
«Да какъ брови у Митрея
«Да какъ собаки горластые».

---

[1]) Полосатыя, тигровыя.

Да какъ услышелъ Митріё князь,
Да какъ услышилъ вѣдь Михайловичь-отъ,
Воротилса къ своей сестрици,
Да ко Ульяны Михайловны:
«Ужъ ты гой еси, сестриця,
«Да ты Ульяна Михайловна!
«Да собирай-ка бесѣдушку;
«Да созови красныхъ дѣвушокъ
«Да молодыхъ-то молодушокъ,
«Да созови-сходи Домнушку
«Да какъ Домну ту Ѳалилеёвну;
«Созови на бесѣдушку
«Да скажи: „Митрея-та дома нѣтъ“,
«А скажи: „Михайловичя дома нѣтъ:
«Да онъ ушёлъ за охвотами,
«Онъ за утками, за гусями,
«Да онъ за бѣлыма лебедеми“».
Да пошла, пошла сестриця
Да Ульяна Михайловна,
Да собирала бесѣдушку,
Да созвала красныхъ дѣвушокъ
Да молодыхъ то молодушокъ;
Да позвала она вѣдь Домнушку
Да какъ Домну-то Ѳалилеёвну:
«Да ты пойдёмъ, пойдёмъ, Домна, къ намъ,
«Да ты пойдемъ на бесѣдушку
«Да посидѣть съ красныма дѣдушками
«Да съ молодыма молодушками».
Посылаётъ ей матёнка:
«Да ты поди, поди, Домнушка,
«Да ты Домна Ѳалелеёвна;

«Да ты поди на бесѣдушку
«Да посидѣть съ красны́ма дѣвушками».
Говорила тутъ Домнушка
Да какъ Домна Ѳалилеёвна:
«Ты кормилиця матёнка!
«Не посолъ идётъ,—омманъ за мной».
Да говорила тутъ се́стриця
Да какъ Ульяна Михайловна:
«Да ты пойдемъ, пойдемъ, Домна, къ намъ,
«Да ты пойдемъ, Ѳалилеёвна;
«Да у насъ Митрея-то дома нѣтъ,
«У насъ Михайловичя дома нѣтъ:
«Онъ ушелъ за охвотами,
«Да онъ за утками, за гусями,
«Да онъ за бѣлыма ле́бедеми».
Да какъ пошла, пошла Домнушка
Да посидѣть на бесѣдушку,
Да посидѣть съ красны́ма дѣвушками
Да съ молоды́ма молодушками.
Да идётъ, идётъ Домнушка,
Да идё Ѳалилеёвна.
У воротъ стоятъ приворотничьки,
У дверей стоятъ притворьничьки.
Да сохвата́ли тутъ Домнушку,
Да сохвата́ли Ѳалелеёвну
Да ей за бѣлые руцюшьки
За злачены персни́ серебреные;
Подводили ей къ Митрею,
Да подводили къ Михайловичю.
Ишша Митрей князь за столомъ стоитъ
Да со всѣма́ кнезьями, боярами.

Да наливаётъ онъ чару вина,
Наливаётъ зеленого;
Да подаваётъ онъ Домнушки,
Да подаваётъ Ѳалелеёвны:
«Да выпей, выпей, выпей, Домнушка,
«Да выпей, выпей, Ѳалелеёвна,
«Да отъ кутыры боярьское,
«Да отъ совы ты заозерьское,
«Отъ котла-та пивоваренного,
«Да ты отъ кошки ордастое,
«Да отъ собаки горластое».
Не примаётъ какъ Домнушка
Да не примаётъ Ѳалилеёвна,
Говорила тутъ Домнушка,
Да говорила Ѳалелеёвна:
«Да ты спусти, спусти, Митрей князь,
«Да ты спусти, спусти, Михайловичь,
«Да ко кормилици матёнки
«Да какъ сходить къ ей за платьицёмъ:
«Да пе́рво платьё рукобитноё,
«Да второ платьё обрученноё,
«Да третьё платьё подвинесьнеё».
Да не спускаётъ ей Митрей князь
Да какъ сходить ей ко матёнки,
Да какъ сходить ей за платьицёмъ:
Да перво платьё рукобитноё,
Да второ платьё обруценноё,
Да третьё платьё подвине́сьнеё.
Да говорила какъ Домнушка,
Да говорила Ѳалилеёвна:
«Ужъ ты ой еси, Митрей князь!

«Да ты спусти на могилочьку
«Да ко родителю батюшку
«Да попросить блаословленьиця;
«Да ужъ мы съ тѣмъ бласловленьицёмъ
«Да будёмъ жыть-красоватисе,
«Будёмъ гулять-проклаждатисе».
А спустилъ, спустилъ Митрей князь,
Да какъ спустилъ, спустилъ Михайловичь
Да ко родителю батюшку
Да сходить на могилочьку
Да попросить бласловленьиця:
«Да ужъ мы съ тѣмъ бласловленьицёмъ
«Да будёмъ жить-красоватисе,
«Будёмъ гулять-проклаждатисе».
Пошла, пошла Домнушка,
Да какъ пошла Ѳалелеёвна,
Да пошла на могилочьку;
Да брала съ собой два ножичка
Да какъ два друга быдто милыхъ-е.
Да какъ пришла на могилочьку,
Да ко родителю-батюшку.
Да первой ножечёкъ наставила
Да противъ серьця ретивого,
Да второй ножичёкъ наставила
Да противу горла ревливого;
Да сама она сибѣ тутъ смерть придала.

МОЛОДЕЦЪ ДОБРЫНЯ ГУБИТЪ НЕВИННУЮ ЖЕНУ.

Охвочь молодець по пирамъ ходить,
Охвочь молодець чюжыхъ жонъ сміять;
Да нынь мы молодцю самому отсмѣемъ:
«Да нынь у молодця и молода жона
«Пиво варила да вино курила,
«А звала какъ гостей не свою ровню:
«Поповъ, дьяковъ да людей грамотныхъ,
«Людей грамотныхъ да коихъ надомно.»
Да тутъ какъ молодцю и за бѣду стало
Да за ту жа за кручинушку великою.
Собирался молодець со бесѣдушки,
А идётъ молодець ко своёму двору.
Отпиратъ жона его воротечька
Да въ едной рубашечьки, безъ поеса,
Въ единыхъ чюлочиковъ, безъ чоботовъ,
А онъ вѣдь тутъ онъ ей смерть придалъ.
А поролъ онъ у ей груди бѣлы же,
А смотрѣлъ онъ у ей ретиво серьцё.
А пошёлъ какъ Добрыня во свѣтлу гридню;—
Во свѣтлой-то гридни да тутъ книга лежитъ,
Какъ книга́-та лежитъ, да всё свѣща горитъ:
За его-то она Богу мо́лила,

Моли́ла Добрынюшки здоровьиця.
Зашёлъ какъ Добрыня въ нову горенку,—
А во горёнки-то колубель вѣситъ,
Колубель-та вѣситъ, и младе́нь плаче́тъ.
Онъ и байкатъ, онъ и люлькатъ чядо ми́лоё свое:
«Ужъ ты спи-тко, усни чядо милоё:
«Ужъ ты спи-тко, усни, дитя безматерно.»
Да не сдѣлать колубелюшки безъ мастера,
Не утѣшишь младеня безъ матери.
Да самъ онъ сибѣ тутъ и смерть придалъ.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО.

Ишша жилъ какъ кнезь Михайло была Катерина пожила́
А была вѣдь дочь Настасья, да чядо милоё у ихъ.
Говоритъ какъ кнезь Михайло да онъ кнегины пожилой:
«Скиновай-ко цвѣтно платьё да надѣвай-ко черно платьё;
«Ты садись въ корету въ темну, да ты поѣдёмъ-ко со мной.»
Она байкатъ, она лю́лькатъ да дочь Настасьюшку свою:
«Ужъ ты спи, усни, Настасья да чядо милое мое;
«Ужъ ты спи, усни, Настасьюшка, вплоть до миня.»
Какъ повезъ тутъ кнезь Михайло свою кнегину да пожилу.
Онъ во далече въ чисто поле, во роздольицё;
А убилъ вѣдь кнезь Михайло да тамъ кнегину́ да пожилу́;
Схоронилъ вѣдь кнезь Михайло да онъ подъ бѣлую берёзу,
Онъ подъ бѣлу подъ березу да онъ подъ саму подъ вершину.
Пріѣжжаётъ кнезь Михайло да ко своёму да ко двору.
Пробужаитсе дочь Настасья да чядо милоё его.

Онъ и байкатъ, онъ и люлькатъ дочь Настасьюшку свою:
«Ужъ ты спи, усни, Настасья да чядо милое мое;
«Ужъ ты выростешь больша, я сошью тебѣ шубу кунью.»
Говорила дочь Настасья да чядо милое его:
— Мнѣ не недо, мнѣ не надо да шуба куньея твоя;
— Только надо, только надо да мнѣ-ка матушка родна.—
Онъ и байкатъ, онъ люлькатъ да чядо милое свое
«Ужъ ты спи, усни, Настасья да чядо милоё моё;
«Я срублю тобѣ, Настасья, да златоверховатъ теремъ»
— Мнѣ не надо, мнѣ не надо да златоверховатъ теремъ
— Только надо, только надо да мнѣ какъ матушка родна.—
«Ужъ ты спи, усни Настасья да чядо милое мое;
«Я возьму тобѣ, Настасья, да тибѣ матерь молоду.»
Говорила дочь Настасья да чядо милое его:
«Мнѣ не надо, мнѣ не надо да твоя мати молода,—
«Только надо, только надо да ми́нѣ матушка родна;
«Ты возьмешь-ка мнѣ не матерь,—злую мачеху лиху:
«Ужъ вы сѣдите какъ съ ей за дубовые столы,
«Поса́дите же вы миня да край дубового стола,
«Ужъ вы станите кусочекъ да рукода́но мнѣ давать».
(*Сама не засмѣетъ взять,—изъ рукъ давать будутъ*).
Какъ пошла вѣдь дочь Настасья да въ нову горенку
Ишша сѣла дочь Настасья да подъ окошечько.
А бѣжатъ вѣдь волки сѣры да всё розрывчетые.
Тутъ спроговоритъ Настасья да чядо милоё его:
«Ужъ вы гдѣ жа, волки, были, да ужъ вы што, волки, чюли?»

— Ишша были мы волки да во чистомъ поли,
— Ишша ѣли мы волки да мясо свѣжое:
— А убилъ вѣдь кнезь Михайло да онъ кнегину да пожилу.
— Схоронилъ вѣдь онъ кнегину да онъ подъ бѣлу да подъ березу,
— Онъ подъ бѣлу подъ березу да онъ подъ саму подъ вершину.—
Ишша та же дочь Настасья да чядо милоё его
А кидаласе, бросаласе да выше лавици брусятой,
А сибѣ вѣдь тутъ Настаться да и смерть придала.

Послѣднія три пѣсни нельзя считать ни былинами, ни историческими. Хотя принято пѣсни о князѣ Михайлѣ и о Домнѣ Фалилеевнѣ называть историческими, но врядъ ли онѣ подразумѣваютъ какое-либо историческое событіе. Это скорѣй пѣсни, рисующія бытъ, всѣмъ и каждому понятныя семейныя драмы: нелюбимая жена, насильный бракъ. Такова же пѣсня и о Добрынѣ-молодцѣ. Но форма ихъ еще иногда таитъ въ себѣ признаки былинъ и историческихъ пѣсенъ. Эти три пѣсни являются переходными отъ строго эпическихъ пѣсенъ къ лирическимъ. Стáрина о Домнѣ Фалилеевнѣ—такъ близка женскому сердцу, что ее знаетъ почти каждая женщина въ Архангельской губ. А бабушка почти всегда плачетъ, когда поетъ о князѣ Михайлѣ, потому, что у ея внучатъ есть теперь мачеха (дочь умерла передъ отъѣздомъ бабушки въ Москву).

Народными произведеніями мы называемъ тѣ, что безъ помощи книги передаются изъ устъ въ уста, изъ поколѣнья въ поколѣнье, изъ конца въ конецъ Руси. Но нельзя думать, что эти произведенія сочинены непремѣнно въ самомъ народѣ, въ деревняхъ. Многія

изъ нихъ могли быть сложены въ большихъ городахъ выдающимися талантами своего времени, а затѣмъ, перейдя къ простому народу, полюбились ему и пережили вѣка. И тѣ любители изъ народа, которые запоминаютъ по многу тысячъ стиховъ, вкладываютъ свою душу въ нихъ и оставляютъ свой слѣдъ въ произведеніяхъ.

Кто же могъ въ старину занести городскія сочиненія въ деревню? Странники, калики перехожіе, а всего больше артисты того времени—скоморохи.

Когда церковь воздвигла на нихъ гоненія, они ушли туда, куда уходили многіе гонимые—на сѣверъ. И бабушкина родимая рѣка Пинега дышетъ еще воспоминаніями объ удалыхъ скоморохахъ. Поговорки, сказки, «перегудки» съ упоминаніемъ о скоморохахъ, фамилія «Скомороховы» часто встрѣчаются тамъ.

И «перегудки»—всегда веселыя, шутливыя, остроумныя, отличающіяся либо плясовымъ либо «гудочнымъ» мотивомъ—несомнѣнно сложены самими скоморохами.

Самая замѣчательная изъ этихъ погудокъ—«Вавило и Скоморохи», записанная только отъ одного лица—М. Д. Кривополѣновой. Больше нигдѣ никогда ее не встрѣчали. Сѣдой стариной вѣетъ отъ нея—тѣмъ временемъ, когда скоморошье дѣло было объявлено грѣхомъ... Но не могли съ этимъ согласиться скоморохи, какъ не согласимся мы въ наше время счесть театръ—грѣшнымъ дѣломъ. И скоморохи сложили въ свою защиту пѣсню, гдѣ прославили свое дѣло, возвели его въ степень святого. Въ мотивѣ скоморошины «Вавило и Скоморохи» ясно слышится гудочекъ.

Любимой же перегудкой нашей бабушки является «Кастрюкъ». Стоитъ только подмигнуть ей да сказать: «пировалъ—жировалъ государь»..., какъ бабушка зальется смѣхомъ. Въ это мгновенье и схвачена бабушка фотографическимъ аппаратомъ двухъ художницъ. «Кастрюкъ» тоже, очевидно, сложенъ насмѣшливыми скоморохами, утверждавшими, что любимый шуринъ Ивана Васильевича будто бы оказался не Кострюкомъ Темрюковичемъ, а переодѣтой женщиной—Марфой Демрюковной.

ВАВИЛО И СКОМОРОХИ.

У чесной вдовы да у Ненилы
А у ей было́ чядо Вавило.
А поѣхалъ Вавилушко на ниву
Онъ вѣдь нивушку свою орати,
Ишша бѣлую пшоницю засѣвати:
Родну матушку свою хочё кормити.
А ко той вдовы да ко Ненилы
При́шли люди къ ней весели́е,
Веселые люди не простые,
Не простые люди, скоморохи.
«Ужъ ты здрасвуёшъ, чесна вдова Ненила!
«У тя гдѣ чядо да нынь Вавило?»
— А уѣхалъ Вавилушко на ниву
— Онъ вѣдь нивушку свою орати,
— Ишша бѣлую пшоницю засѣвати:
— Ро́дну матушку́ хочё кормити.—
Говорятъ какъ тѣ вѣдь скоморохи:
«Мы пойдемъ къ Вавилушку на ниву;
«Онъ не йдетъ ле съ нами скоморошить?»
А пошли скоморохи къ Вавилушку на ниву:
«Ужъ ты здрасвуёшъ, чядо Вавило,
«Тибѣ дай Богъ нивушка орати,

«Ишша бѣлую пшоницю засѣвати,
«Родну матушку тибѣ кормити».
— Вамъ спасибо, люди веселые,
— Весёлые люди, скоморохи;
— Вы куды пошли да по дороги?—
«Мы пошли на инишшоё [1]) царьсво
«Переигрывать царя Собаку,
«Ишша сына его да Перегуду,
«Ишша зятя его да Пересвѣта,
«Ишша дочь его да Перекрасу.
«Ты пойдемъ, Вавило, съ нами скóморóшить».
Говорило то чядó Вавило:
«Я вѣдь пѣсёнъ пѣть да не умѣю,
«Я въ гудокъ играть да не горазёнъ».
Говорилъ Кузьма да со Демьяномъ:
«Заиграй, Вавило, во гудочикъ
«А во звоньчятой во переладець;
«А Кузьма съ Демьяномъ припособитъ».
Заигралъ Вавило во гудочикъ
А во звоньчятой во пореладець,
А Кузьма съ Демьяномъ припособилъ.
У того вѣдь чяда у Вавила
А былó въ рукахъ-то понюгальцё,—
А и стало тутъ вѣдь погудальцё;
Ишша были въ рукахъ у его да тутъ вѣдь вожжи,—
Ишша стали шолковые струнки.
Ишшо то чядо да тутъ Вавило
Видитъ, люди тутъ да не простые,
Не простые люди-тѣ, светые;

---

[1]) Иньшое—иное.

Онъ походитъ съ има́ да скоморошить.
Онъ повелъ ихъ да вѣдь домой жа.
Ишша тутъ чесна вдова да тутъ Ненила
Ишша стала тутъ да ихъ кормити.
Понесла она хлѣбы-тѣ ржаные,—
А и стали хлѣбы-тѣ пшоны́е;
Понесла она куру-ту варёну,—
Ишша кура тутъ да вѣдь взлетѣла,
На пецьней столбъ сѣла да запѣла.
Ишша та вдова да тутъ Ненила
Ишша видитъ, люди тутъ да не простые,
Не простые люди-тѣ, светые,
И спускатъ Вавила скоморошить.
А идутъ скоморохи по дороги.
На гумни мужыкъ горохъ молотитъ.
«Тобѣ Бохъ поможъ, да тѣ кресьянинъ,
«На бѣло горохъ да молотити»!
— Вамъ спасибо, люди весёлые,
— Веселые люди, скоморохи;
— Вы куда пошли да по дороги?—
«Мы пошли на и́нишьшоё царьсво
Переигрывать царя Собаку,
«Ишша сына его да Перегуду,
«Ишша зятя его да Пересвѣта,
«Ишша дочь его да Перекрасу».
Говорилъ да тутъ да вѣдь кресьянинъ:
«У того царя да у Собаки
«А око́лъ дво́ра да тынъ залѣзной,
«А на кажной тутъ да на тычиньки
«По человѣчей-то сидитъ головки,
«А на трехъ вѣдь на тычинкахъ

«Ишша нѣту человѣчьихъ тутъ головокъ;
«Тутъ и вашимъ-то да быть головкамъ».
— Ужъ ты ой еси да ты крестьянинъ!
— Ты не могъ добра намъ тутъ вѣдь сдумать,
— Ишша лиха ты бы намъ не сказывалъ.
— Заиграй, Вавило, во гудочикъ
— А во звоньчятой во переладецъ;
— А Кузьма съ Демьяномъ припособятъ.—
Заигралъ Вавило во гудочикъ,
А Кузьма съ Демьяномъ припособилъ:
Полетѣли голубята-ти стадами,
А стадами тутъ да табунами;
Они стали у мужика горохъ клевати.
Онъ вѣдь сталъ ихъ кичигами сшибати;
Зашибалъ, онъ думатъ голубятокъ,
Зашибалъ да всѣхъ своихъ ребятокъ.
Говорилъ да тутъ да вѣдь кресьянинъ:
«Я вѣдь тяжко тутъ да согрѣшилъ:
«Это люди шли да не простые,
«Не простые люди-тѣ, светые,—
«Ишша я вѣдь имъ да не молилса».
А идутъ скоморохи по дороги.
А на стрѣчю имъ идё мужыкъ горшками торговати.
«Тобѣ Богъ поможь да тѣ кресьянинъ,
«А-й тибѣ горшками торговати!»
— Вамъ спасибо, люди веселы́е,
— Весёлые люди, скоморохи;
— Вы куды пошли да по дороги?—
«Мы пошли на инишьоё царьсво
«Переигрывать царя Собаку,
«Ишша сына его да Перегуду,

«Ишша зятя его да Пересвѣта,
«Ишша дочь его да Перекрасу».
Говорилъ да тотъ да вѣдь кресьянинъ:
«У того царя да у Собаки
«А околъ двора да тынъ залѣзной,
«А на каждой тутъ да на тычинки
«По человѣчей-то сѣдитъ головки,
«А на трехъ-то вѣдь да на тычинкахъ
«Нѣтъ человѣчихъ то да тутъ головокъ;
«Тутъ и вашимъ-то быть головкамъ».
— Ужъ ты ой еси, да ты кресьянинъ!
— Ты не могъ добра да намъ вѣдь сдумать,
— Ишша лиха ты бы намъ не сказывалъ.
— Заиграй, Вавило, во гудочикъ
— А во звоньчятой во переладецъ;
— А Кузьма съ Демьяномъ припособитъ.—
Заигралъ Вавило во гудочикъ
А во звоньчатой во переладець,
А Кузьма съ Демьяномъ припособилъ:
Полетѣли куропци съ ребами,
Полетѣли пеструхи съ чюхарями,
Полетѣли марьюхи съ косачями;
Они стали по оглоблямъ-то садитьсе.
Онъ вѣдь сталъ ихъ тутъ да бити
И во свой вѣдь возъ да класти,
А наклалъ онъ ихъ да вѣдь возочекъ.
А поѣхалъ мужикъ да во городочикъ,
Становилса онъ да во редочикъ,
Розвезалъ да онъ да свой возочикъ,—
Полетѣли куропци съ ребами,
Полетѣли пеструхи съ чюхарями,

Полетѣли марьюхи съ косачями.
Посмотрѣлъ вѣдь во своемъ-то онъ возочьку,—
Ишше тутъ у его одны да черепочьки.
«Ой! я тяжко тутъ да согрѣшилъ вѣдь:
«Это люди шли да не простые,
«Не простые люди-ти, светые,—
«Ишша я вѣдь имъ да не молилса».
А идутъ скоморохи по дороги.
Ишша красная да тутъ дѣвиця
А оны холсты да полоскала.
«Ужъ ты зрасвуёшь красна дѣвиця,
«На бѣло холсты да полоскати!»
— Вамъ спасибо, люди веселые,
— Весёлые люди, скоморохи;
— Вы куды пошли да по дороги?—
«Мы пошли на инишьшое царьсво
«Переигрывать царя Собаку,
«Ишше сына его да Перегуду,
«Ешше зятя его да Пересвѣта,
«Ешше дочь его да Перекрасу».
Говорила красная дѣвиця:
«Пособи вамъ Бохъ переиграти
«И того царя да вамъ Собаку,
«Ишша сына его да Перегуду,
«Ишша зятя его да Пересвѣта
«А-и дочь его да Перекрасу».
— Заиграй, Вавило, во гудочикъ;
— А во звоньчятой во переладець;
— А Кузьма съ Демьяномъ припособитъ.—
Заигралъ Вавило во гудочикъ
А во звоньчятой во переладець

А Кузьма съ Демьяномъ припособилъ.
А у той у красной у дѣвици
А были у ей холсты-ти вѣдь холшовы,—
Ишша стали атласны да шолковы.
(Какъ намъ съ тобой эти старины дороги,
такъ имъ слово доброе).
Говоритъ какъ красная дѣвиця:
«Тутъ вѣдь люди шли да не простые,
«Не простые люди-тѣ, светые,—
«Ишша я вѣдь имъ да не молилась».
А идутъ скоморохи по дороги,
А идутъ на инишьшое царьсво.
Заигралъ да тутъ да царь Собака,
Заигралъ Собака во гудочикъ
А во звоньчятой во переладець,—
Ишша стала вода да прибывати:
Онъ хочё водой ихъ потопити.
«Заиграй, Вавило, во гудочикъ
«А во звоньчятой во переладець;
«А Кузьма съ Демьяномъ припособитъ».
Заигралъ Вавило во гудочикъ
А во звоньчятой во переладець,
А Кузьма съ Демьяномъ припособилъ:
И пошли быки-тѣ тутъ стадами
А стадами тутъ да табунами,
Ишша стали воду да упивати:
Ишша стала вода да убывати.
«Заиграй, Вавило, во гудочикъ
«А во звоньчятой во переладець;
«А Кузьма съ Демьяномъ припособитъ».
Заигралъ Вавило во гудочикъ

А во звоньчятой во переладець,
А Кузьма съ Демьяномъ припособилъ:
Загорѣлось инишьшоё царьсво
И сгорѣло съ краю и до краю.
Посадили тутъ Вавилушка на царьсво
Онъ привезъ вѣдь тутъ да свóю матерь.

УСИШША.

Ишша за рѣкой, рѣкой было́ чётыре двора,
А четыре двора да изъ воротъ и въ ворота.
Ишша жилъ такой кресьянинъ:
Онъ и солоду не ростилъ, завсегда пиво ва́рилъ;
Онъ вѣдь денёгъ не куетъ, да деньги въ займи́ даетъ.
Ишша шли таки Усишша да атаманишша;
Стуки-стуки, стуки-стуки, стуки-стуки на крыльцё:
Бряки-бряки, бряки-бряки, бряки-бряки за кольцё:
«Ты ставай-ко, хозяинъ, отпирай ворота́;
«Ты ставай-ко, хозяйка, добывай огня».
Какъ хозяинъ-отъ вставатъ да ворота имъ отпиратъ,
Какъ хозяйка-та вставатъ да огонь имъ доставатъ.
«Ишша што бы намъ, хозяинъ, какъ попить бы, намъ пойсь,
«А попить бы намъ, поись да намъ позавтракати?»
А хозяинъ-отъ идетъ да ишше куль толокна несётъ,
А хозяйка-та идетъ да имъ ушатъ молока несетъ.
Они по́ кусу хватили,—призаправилисе;
По другому-ту хватили,—Богу кланялисе.
«Да спасибо тѣ, хозяинъ, на овсяномъ толокни;
«Да спасибо-тѣ, хозяюшка, на кисло́мъ молоки.
«Ишша ты бы насъ, хозяинъ, напоилъ бы, накормилъ,

«Напоилъ бы, накормилъ да животомъ насъ надѣлилъ».
Да хозяинъ-отъ божитьсе: «правда, денёкъ нѣтъ;»
Да хозяйка-та ратитце: «намъ негдѣ взеть».
— Ты поди, Самсонъ, да колупай заслонъ;
— Вы кладите-ко хозяину пылу́ подъ дыру́:
Ишша скажо хозяинъ особину [1]) свою —
Да хозяинъ-отъ идё да свою собину [1]) несетъ,
Да хозяйка-та бѣжитъ да достальни́ деньги́ ташшы́тъ.
Они дѣлили, роздѣлили по пети́деся́тъ рублёвъ,
Да большому-ту Усишшу девяносто рублёвъ.
«Да спасибо тѣ, хозяинъ: напоилъ насъ, накормилъ,
«Напоилъ насъ, накормилъ да животомъ насъ
надѣлилъ.
«Мы и дво́ры твои знаемъ, опять зайдемъ».

[1]) Особо отложенныя деньги; «собина»—особина.

КАСТРЮКЪ.

Во тау-ль и во городи
Во тау-ли въ хорошомъ е
Поизволилъ нашъ царь государь,
Да царь Иванъ Васильевичь,
А поизволилъ жонитисе
Да не у насъ, не у насъ на Руси,
Да не у насъ въ каменной Москвы,
Да у царя въ Бальшой орды
Кастрюка, сына Демрюковичя
Да у его на родной сестры
Да на Марьи Демрюковны.
Собиралса нашъ царь государь,
Да собиралса съ честны́мъ поѣздомъ;
Да во ту-ли походъ учинилъ,
Да во ту-ли съ каменной Москвы.
Ишше здраво сталъ государь
Да черезъ рѣки быстрые,
Да черезъ морё синеё,
Да черезъ полё чистоё
Къ Кострюку въ Бальшу орду,
Къ Кострюку сыну Демрюковичю.
Говорилъ его дядюшка

Да Микита Родомановичь:
«Ужъ ты ой еси, Кастрюкъ-Демрюкъ!
«Ишша мы къ табѣ пришли
«Да не съ боёмъ, не съ дракою;
«Да мы пришли къ тобѣ посвататьсе
«Да у тобя на родной сестры
«Да на Марьи Демрюковны».
Они сватались, сосваталисе
По рукамъ они ударилисе
Да слово на́ слово поло́жилисе.
Собирался нашъ царь государь
За столы-тѣ за дубовые,
Да за ясва сахарные;
Да за напиточьки стоялые.
Пировалъ-жировалъ государь,
Да царь Иванъ Васильевичь.
Говорилъ его дядюшка
Да Микита Родомановичь:
«Ужъ ты ой еси, Кастрюкъ-Демрюкъ!
«Объ чемъ слово было молвленоё,
«По рукамъ было́ уда́реноё;
Кастрюкъ поскакиваё,
Кастрюкъ поплясываё;
Онъ тому то не ослышитсе;
Онъ выводитъ родну сестру
Да ино Марью Демрюковну
Да за нашого прозвителя царя
Да за Ивана-та Васильевичя,
Да за столы-ти за дубовые,
Да за ясва сахарные,
Да за напитоцьки стоялые.

А пировалъ-жировалъ государь;
А оттули походъ учинилъ,
Да оттули изъ Бальшой орды.
Ишше здраво сталъ государь
Черезъ полё чистоё,
Черезъ море синее,
А черезъ рѣки быстрые.
Ишше здраво сталъ государь
Во свою-ту въ каменну Москву
Да онъ ко церкви соборное
Да ко манастырямъ церковное
Да они вѣньцями повѣньцялисе
Да перснями помѣнялисе.
Ишше здраво сталъ государь
Да во своей то въ каменной Москвы
За столы-тѣ за дубовые,
Да за ясва сахарные,
За напитоцьки стоялые.
Да пировалъ-жировалъ государь,
Говорилъ его шуринъ тутъ
Кастрюкъ Демрюковъ сынъ:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
«У васъ есь-ли въ каменной Москвы,
«У васъ есь-ли таковы борьци
«А со мной поборотисе,
«А съ Кастрюкомъ поводитисе?
«Да изъ дани, да изъ пошлины,
«Изъ накладу-ту великого?»
А говорилъ тутъ царь государь
Да царь Иванъ Васильевичь;
«А любимой дядюшка!

«Да Микита Родомановичь,
«Ужъ ты выйди-ко на улоньку;
«Затруби-ко въ золотую трубу,
«Штобы чю́ли за рѣкой за Москвой,
«Штобы чю́ли три брателка
«Да три братьця родимые;
«Первой братъ и Мишенька!
«Второй братъ и Гришенька!
«Втретьей братъ и Васенька!»
Какъ выходитъ тутъ дядюшка,
Да Микита Родомановичь
Затрубилъ онъ въ золотую трубу.
Да учили за рѣкой за Москвой,
А учюли три брателка:
А перво́й братъ Мишенька,
А второй братъ Гришенька
Да третей братъ Васенька.
Говорилъ какъ тутъ царь государь
Да царь Иванъ Васильевичь.
«Любимой шуринъ мой!
«Кастрюкъ Демрюковъ сынъ!
«У миня питія на столи,
«У миня борьци на двори,
«Ковда есь вѣра боротисе
«Тѣ изъ дани, изъ пошлины
«Да изъ накладу ту великого».
Кастрюкъ поскакивае,
Кастрюкъ поплясывае;
(*Вишь коль боекъ!*)
Кастрюкъ черезъ столъ скочилъ,
Кастрюкъ питія сплескалъ.

Говорила какъ родна сестра,
Да цариця-благовѣрница,
Да ино Марья-та Демрюковна:
«Ужъ ты ой еси, Кастрюкъ-Демрюкъ!
«Не ходи ты боротисе
«Ты изъ дани, да изъ пошлины
«Да изъ накладу-то великого».
Кастрюкъ паскакиваё,
Кастрюкъ поплясываё,
(*Какой-то скакливый былъ*)
Онъ тому то не ослышитьсе;
Онъ выходитъ на улоньку,
(*При публикѣ*).
На крылечюшко красноё,
О перила облегаитьсе.
Говорилъ какъ Мишенька:
«Ужъ ты гой еси, царь государь!
«Царь Иванъ Васильевичь!
«Мнѣ-ка не съ кимъ боротисе».
Говорилъ какъ Гришенька:
«Ужъ ты гой еси, царь государь!
«Мнѣ-ка не съ кимъ руки патрать [1])».
Да говорилъ какъ Васенька:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
«Ужъ бы радъ я боротисе,
«Съ Кастрюкомъ бы поводитисе,
«Я изъ дани, изъ пошлины,
«Изъ накладу-ту великого,—
«Да я топеря со царева кабака,

---

[1]) Марать.

«У мня болитъ буйна голова,
«Шипитъ ретиво серьцё».
А наливаютъ какъ чяру вина,
Да не велику, четьвертиною;
А подаваютъ Васеньки,
Да выпиваётъ Васенька:
«Да спасибо тибѣ, царь государь!
Опохме́лилъ буйну го́лову,—
Не окатилъ ретива́ серьця,
Не звеселилъ добра мо́лодця».
А наливаютъ вторую чяру́,
Да не велику, четьвертиною;
А подаваютъ Васеньки,
А выпиваётъ Васенька:
«Да спасибо тебѣ, царь государь
«Да царь Иванъ Васильевичь!
«Опохме́лилъ буйну́ голову
«Окатилъ ретиво́ серьцё,—
«Не взвеселилъ добра молодця».
Наливаютъ третю́ю чяру́,
Да не вели́ку четвертинною;
Подаваютъ Васеньки,
Выпиваетъ Васенька:
«Да спасибо тебѣ, царь-государь,
«Царь Иванъ Васильевичь!
«Опохмелилъ буйну голову,
«Окатилъ ретиво серьцё,
«Взвеселилъ добра молодця;
«Ужъ я радъ нынь боротисе,
«Да съ Кастрюкомъ и поводитисе,
«Я изъ дани, изъ пошлины

«Изъ накладу-ту великого»!
Они стали боротисе.
Первый Кастрюкъ бросилъ,
Вторый Кастрюкъ бросилъ.
Какъ и Васенька хромонькой
Онъ на ножку-ту справилса,
За лопотья [1]) ти сграбилса,
Онъ и при́рвалъ лапотьё все.
На рукахъ то ей потрехиваётъ,
До земли то не допускиваётъ.
Ишшо думали Кастрюкъ-Демрюкъ,
А и Марфа Демрюковна.
Да она проклиналасе
Да она заклиналасе:
«Да не дай, Богъ, бывати здѣсь
«У царя въ Каменной Москвы
(*Ни за што не заманишь ей преникомъ*).
«Да не дѣтямъ, не внучатамъ,
«Да не внучетамъ, не павнучетамъ!»

[1]) Лапотье—одежда. Лапотиной до сихъ поръ называютъ на сѣверѣ сарафанъ широкаго покроя.

У бабушки Кривополѣновой талантъ всеобъемлющій: съ задоромъ, съ огнемъ поетъ она скоморошины и съ величайшимъ проникновеніемъ—чудесные духовные стихи.

По мотиву удивительно красивъ стихъ о святомъ Егорьи; онъ интересенъ еще тѣмъ, что во второй своей части совсѣмъ переходитъ въ былинныя формы.

Глубоки по содержанію стихи о «Вознесеніи» и о «Михаилѣ Архангелѣ».

ВОЗНЕСЕНІЕ.

Проходитъ Христово да Воскрисеніе,
Доходитъ Христово да Вознисеніе,
Вознесса Христосъ на нѣбеси,
Со лангилами да съ херуимы,
Со опостолами да сарафимы,
Оставилъ насъ нишшую братью,
Оставилъ убогую сироту.
Заплакала нишшая братья,
Зарыдала убогая сирота:
«На куго ты насъ, Христосъ, да оставляёшъ?
«На куго насъ да спокидаёшь?
«Будёмъ мы и холодны и голодны,
«Да будемъ не обуты да не одѣны,
«Отъ темной-то ночи не укрыты!»
Спроговоритъ Христосъ, да царь небесной:
— Не плачьте-тко, нишшая братья
— Не рыдайте убогая сирота:
— Оставлю вамъ гору да золотую,
— Оставлю вамъ рѣку да медовую,
— Оставлю вамъ садъ съ виноградомъ,
— Дагъ будете вы сыты и пьяны,
— Да будете обуты и одѣны,
— А отъ темной-то ночи и укрыты.

Спроговорилъ какъ Иванъ-отъ да Златоусто:
«Ужъ ты истиной Христосъ, да царь небесной!
«Не оставляй нишшимъ горы да золотою,
«Не оставляй нишшимъ рѣки да медовою,
«Того жа сада да съ виноградомъ,
«Нишшимъ горою да не бладати,
«Медовой имъ рѣки да не видати,
«Того жа сада да съ виноградомъ:
«Узнаютъ купци—власти торговы,
«Отнимутъ у ихъ гору да золотую,
«Отнимутъ у ихъ рѣку да медовую,
«Отнимутъ у ихъ садъ да съ виноградомъ,
«Да будутъ они холодны и голодны,
«Да будутъ не обуты да не одѣны,
«Отъ темной-то ночи да неукрыты.
«Оставь имъ своё имё Христово —
«Ходить по селамъ, по деревнемъ,
«Да чясто Христа будутъ поминати,
«Да истиного будутъ звеличати,
«Дакъ будутъ они сыты и пьяны,
«Дакъ будутъ одѣны и обуты,
«Отъ темной-то ночи прикрыты».
Слава Христу ту да Сыну Богу,
Да слава Христу и на небёсахъ!

МИКОЛА.

Светитель Микола, Меркольской Чюдотворець!
А гдѣ жа твои мошшы? Невѣрной стра́ды нѣмьцяхъ,
Ахъ, во земли во турьской, въ славномъ Балеградьи.
Пишомъ ликъ твой на свету икону,
Ставимъ мы икону въ новую чесовню,
Въ кивоварену божни́цю,
Украшаёмъ мы Светителя, мы жа чистымъ серебромъ,
Мы жа краснымъ золотамъ, жемчугомъ окатистымъ,
Прибѣгаёмъ къ Светителю съ вѣрою, съ любовью,
А просимъ у Светителя великой мы помошшы.
Въ бѣдахъ и въ напастяхъ онъ свѣтъ сохраняё,
Въ болѣзняхъ лёжашшихъ онъ свѣтъ истѣляетъ,
Въ темницяхъ сидяшшихъ онъ свѣтъ избавляё,
А по морю плаушшихъ онъ свѣтъ направляё,
Волны да усмиряё, враговъ прогоняётъ.
Слава Христу Богу со своимъ угодникомъ,
Со светителемъ Миколой, съ Мерькольскимъ чюдотворьцемъ.

.....

МИХАЙЛО АРХАНГЕЛЪ.

Да зайдутъ человѣче да на Хивонъ на гору
Да згленутъ человѣчя да ино верьхъ по земли.
Ишша чѣмъ мати земля изукрашеная?
Изукрашёна земля черьквями божьима,
Да зайдутъ человѣче да на Хивонъ на гору,
Да згленутъ человѣчя да ино внизъ по земли,
Ишша чѣмъ мати земля принаполненая?
Принаполнена земля душáми грѣшныма.
Протекла рѣка да рѣка огненая
Отъ востоку-ту протекала да вплоть до западу;
Ширина глубина да не намѣреная.
Черезъ огнену рѣку да перевозъ вѣдь есь.
Перевошшикомъ Михайло Архангилъ со Гáврiиломъ.
Ишша праведныхъ какъ душъ дакъ перевозитъ за рѣку,
Перевозитъ да переноситъ ихъ на ту сторону,
Ихъ на ту сторону да ко присвѣтлому раю,
Ко присвѣтлому раю, да къ самому Христу.
А и грѣшны тѣ души да ходятъ по берегу
А крычятъ-зычятъ да громкимъ голосомъ своимъ:

«Ты, Михайло Архангилъ со Гавриломъ,
«Перевези насъ, перенеси да черезъ огнену рѣку,
«Черезъ огнену рѣку да насъ на ту сторону́,
«Насъ на ту сторону да къ присвѣтлому раю́,
«Ко присвѣтлому раю, да ко самому Христу!»
Отвичяё Михайло со Га́вріиломъ:
— Ишшо, души, вы души, да души грѣшные таки,
— Ишша намъ вѣдь васъ да намъ не велѣно везти,
— Намъ не велѣно везти, да не приказано намъ;
— Ишша жили, вы душечьки, на вольнемъ на свѣту,
— Вы не знали, вы ни се́реды, ни пятници,
— Да не свѣтлого Христова да воскресеньиця.
— Ужъ вы божьей то церкви не хаживали,
— Ужъ вы звону колокольнему не варывали [1])
— Какъ четья-пѣтья [2]) церковнаго не слушивали,
— Вы подите, бредите, вы души, да душа въ огнену рѣку,
— Души въ огнену рѣку, да муку вѣчную!
Тутъ заплак'ли, зарыдали да души грѣшныи:
«Ты прости-тко, прости да намъ вѣдь бѣлой свѣтъ,
«Ты ишшо-ко, прошшай да самъ Исусъ Христосъ,
«Ты прошшай-ко, прошшай ты, Михаило Архангилъ со Гавріиломъ!
«Вы прошшайте, прошшайте да отцы—матери,
«Вы прошшайте, прошшайте, да братіи, сестрици,
«Вы прошшайте, прошшайте, да мужьіи мудрые,
«Вы прошшайте, прошшайте, да жены мужніи!»
Зарыдали, заревѣли да души грѣшные.

---

[1]) Не вѣровали.
[2]) Чтенія и пѣнія.

Присвета мать Богородиця не могла да на пристоли
усидѣть [1])...
Не могла же какъ она ихно горё притерпѣть,
Столконула какъ она да двѣ горы;
Тутъ гора же съ горой да столконулиси.
Засыпало рѣку песками хрешшами сыпучима.

---

[1]) Пѣвица разсказывала прозой, что Богородица не могла усидѣть на престолѣ, сорвалась со престола, содвинула гору съ горой и засыпала песками огненую рѣку, чтобы спасти грѣшниковъ. Здѣсь М. Д. пыталась сложить стихи.

ЕГОРЕЙ.

Какъ у Ѳедора купця,
У черниловця,
Уродилосе и два отрока,
И два отрока и двѣ дочери,
Уродилсе еси да тутъ Егорей светъ.
Понесли Егорья да по суду по Божьему.
Въ людяхъ то да таки трехъ годовъ,
Егорей светъ да такой трехъ недѣль;
Въ людяхъ-то да таки ш'сти годовъ,
Егорей светъ да такой ш'сти недѣль.
Роспозналосе царишшо Демьянишшо,
Онъ вѣдь Ѳедора купца да все подъ низъ кланётъ
А онъ Егорья света къ собѣ берё,
Онъ къ себѣ берё, да во свою землю,
Во свою землю, да въ проклету орду.
Самъ жа Егорью да возглаголуётъ:
«Ужъ ты чью Егорей да вѣру варуёшь?
(*Вѣръ вѣдь много, двѣнадцать, можетъ*).
«Ужъ ты варуёшь-ле вѣру жидовьскою,
«Ужъ ты молисьсе-ле ты богамъ нашимъ, долы-доламъ?
Тутъ же Егорей да возглаголуётъ;
Онъ стихи поетъ да каруіимскіе,

Онъ глазы [1]) возноситъ да все по ангельски,
Тутъ жа царишшо да осержалосе,
Тутъ же Демьянишше да воспылуитсе:
«Хошь-ли, Егорей, на огни сожгу?»
Взялъ какъ Егорья на огни жокчи,
Не добре Егорей на огни горитъ,
Подъ светымъ Егореёмъ вода тецетъ,
И вода тецетъ и трава ростетъ,
И трава ростетъ и цвѣты цвѣтутъ.
Тутъ жа Егорей да возглаголуё,
Онъ стехи поё да харуимьскіе,
Онъ влазы возноситъ да какъ по ангельски.
Тутъ жа царишшо да осержалосе,
Тутъ жа оно да воспылуитьсе:
«Хошь-ле Егорей, на воды стоплю?»
Не добры Егорей на воды тонё,
Светъ Егорей да по верьхъ плаваё.
Онъ стихи поетъ да харуимьскіе
Онъ глазы возноситъ да все по ангельски.
Тутъ жа царишшо да осержалосе
Тутъ жа оно да воспылуитси:
«Хошь-ле, Егорей, да на пилы спилю?»
Взялъ какъ Егорья да на пилáхъ пилить,
Не добры Егорея пилы берутъ,
Отъ света Егорья да пилы сыплютсе.
Тутъ же Егорей да возглаголуё,
Онъ стихи поетъ да харуимьскіе.
Тутъ жа царишшо осержалосе,

---

[1]) Гласы. Часто вмѣсто «гласы» бабушка произноситъ блазы или влазы.

Тутъ жа оно да воспылуетси.
Взялъ какъ Егорья за бѣлы́ руки,
Онъ повелъ какъ Егорья да во чисто полё,
Закопалъ Егорея да во глубокъ погре́бъ;
Онъ не мелокъ, не глубокъ да сорока сажонъ.
Засыпалъ онъ пескомъ хрешшомъ сыпучимъ-е,
Закаталъ онъ каменьёмъ сѣрымъ-е.
Забросалъ онъ плитьёмъ залѣзнымъ-е.
Самъ же Егорью да возглаголуё:
«Не бывать тѣ, Егорей, на бѣломъ свѣту,
«На бѣло́мъ свѣту́ да на светой Руси,
«Не видать тѣ, Егорей, да свѣту бѣлого!»
Тутъ жа Егорей да возглаголуё
Онъ стихи поетъ да харуимьскіе
Онъ блазы возноситъ да все по ангельски.
«Спасъ ужъ, ты Спасъ, да многомилосливъ,
«Присвѣтая ты мати, да Богородиця!
«Ужъ вы дуньте-тко, вѣтры, да вѣтры буйные,
«Соносите пески-хрешши сыпучіе
«Сокатайте каменьё сѣроё,
«Собросайте плитьё залѣзноё!»
Какъ по божьей да было милости,
По Егорьевськой было таланисти,—
Дунули вѣтры, да вѣтры буйные,
Соносили пески-хрешши сыпучіе,
Сокатали каменьё сѣроё,
Собросали плитьё залѣзноё,
Сталъ и какъ Егорей на бѣломъ свѣту,
На бѣломъ свѣту и на светой Руси.
Онъ пошолъ какъ Егорей да по чисту полю,
Онъ зашелъ какъ Егорей да во Божью церькву,

Во Божьей церкви да все пустымъ пусто,
Все пустымъ пусто да некуго нѣту.
Тутъ стояла Елена премудрая,
Все премудрая да богомольнея,
Тутъ жа Егорью да возглаголуё:
«Ужъ ты чью, Егорей, да вѣру варуёшь,
«Ужъ ты варуёшь вѣру жидовськую;
«Ужъ ты молисьсе ли богамъ ихнымъ долы-доламъ?»
Тутъ жа Егорей да возглаголуётъ:
Онъ стихи поетъ да харуимськіе,
Онъ влазы возноситъ да все по ангельски.
Тутъ жа Елена да возглаголуётъ:
«Ужъ ты ой жа еси, да ты Егорей Свѣтъ,
«Ты поди-тко, Егорей, на конюшенъ дворъ,
«Ты бери-тко, Егорей, коня доброго,
«Коня доброго да со семи цѣпей,
«Поѣжжай-ко въ заставы жидовськіе:
«Есь тамъ три заставы жидовськихъ-е,
«Добрымъ молодцямъ да все проѣзду нѣтъ,
«Яснымъ соколамъ да тутъ пролету нѣтъ».
Тутъ жа Егорей какъ послушливъ былъ,
И послушливъ былъ да послухмянёнъ былъ,
Онъ пошолъ и какъ Егорей да на конюшонъ дворъ
Онъ беретъ вѣдь Егорей коня доброго,
Коня доброго да со семи цѣпей,
Скоро онъ скачётъ на добра коня,
Онъ поѣхалъ къ заставы жидовськіе.
Пріѣжжая къ первой заставы жидовськое;
Пришли горы высокіе,
Пришли лѣса дремучіе,
Добрымъ молодцямъ да все проѣзду нѣтъ,

Яснымъ соколамъ да тутъ пролету нѣтъ.
Тутъ жа Егорей да возглаголуё;
Онъ стихи поетъ да харуимськіе,
Онъ власы возноситъ да все по ангельски:
«Спасъ, ужъ ты Спасъ, да многомилосливъ,
«Присвета ты мати, да Богородиця,
«Розодвиньтесь-ко горы высокіе,
«Розодвиньтесь-ко лѣса дремучіе
«На всѣ стороны да на четыре же:
«Добрымъ молодцямъ да все проѣздъ бы былъ,
«Яснымъ сóколамъ да все пролетъ бы былъ!»
Какъ по Божьей да было милости,
По Егорьевской было таланисти—
Розодвинулись горы высокіе,
Розодвинулись лѣса дремучіе,
На всѣ стороны, да на четыре же—
Пролегла туды да путь дорожечка
Добрымъ молодцямъ да все проѣздъ тутъ сталъ
Яснымъ соколамъ да все пролетъ тутъ сталъ.
Пріѣжжаётъ Егорей ко второй заставы жидовськое,
Тутъ сидитъ какъ вѣдь да Востроrоръ-птиця.
А хвататъ, иматъ да все живкомъ людей.
Тутъ-жа Егорей да возглаголуё:
Онъ стихи поётъ да харуимськіе,
Онъ блазы поётъ да все по ангельски;
«Онъ жа еси да, Востроrоръ птиця!
«Полетай-ко жа ты да на синё морё
«А хватать имать да сѣрыхъ утицей,
«А ишша имать да бѣлыхъ лебедей!»
Какъ по Божьей да было милости,
По Егорьевськой было таланисти

Полетѣла какъ тутъ да Вострогоръ-птиця,
Полетѣла она да на синё морё
А хватать-имать да сѣрыхъ утицей,
Ишша имать да бѣлыхъ лебедей.
Пролегла туды да путь дорожечка,
Добрымъ молодцямъ да все проѣздъ тутъ сталъ
Яснымъ соколамъ да все пролетъ тутъ сталъ.
Пріѣжжаё къ третьей заставы жидовською.
Онъ стехи поетъ да харуимськіе,
Онъ влазы возноситъ да все по ангельски,
Слѣзовалъ какъ Егорей съ добра́ коня,
Розувалъ какъ сапогъ да со правóй ноги,
Засыпалъ онъ песку да хрешшу сѣрого,
Онъ и шшибъ Змѣишшу да во черны глаза...
(*Какъ тутъ у меня стало нескладно, и мама не складно говорила, тутъ ужъ я не умѣю*).
Тутъ Змѣишше въ землю по поесу!
Розувалъ сапогъ да со лѣвой ноги,
Засыпалъ песку-хрешшу сѣрого,
Шшибъ какъ Змѣишшу во черны глаза
Тутъ и Змѣишшо скрозь землю прошло.
Пріѣжжатъ Егорей свѣтъ къ отцю, къ матери
Отецъ-матушка не признали Егорея.
(*Тутъ ужъ болѣ ничего не знаю, не слыхала...*).

ВИНОГРАДЬЁ.

Виноградіе красно-зеленоё [1])
Да ишшо хто такой стучитъ
Да во светыхъ-то вечерахъ?
Да во светыхъ-то вечерахъ
Да виноградчицы стучятъ.
Да ишшо спрашиваютъ робята
Господина да во дворахъ.
Да ешшо около двора
Да все трава да мурава.
Да все трава ли мурава
Цвѣты лазуревые,
Да ворота тѣ тутъ какъ были
Да какъ хрустальнего стекла;
Да ободверенки тѣ были
Какъ чистóго серебра;
Да приворотенки тѣ были
Да все рѣшетчетые;
Да блаослови, сударь хозяинъ,
Да ко двору притти.
Да ко двору притти,

---

[1]) Припѣвъ черезъ каждые два стиха. Величальное «Виноградье» поется о Рождествѣ.

Да на красно́ крыльце взойти.
Со красного со крыльця
Да на новы́ сѣни ступить,
Со новыхъ-то со сѣней
Въ нову горенку зайти,
Въ нову горенку зайти
Да середи на по́лу стать.
Да блаослови, сударь хозяинъ,
Да виноградіё испѣть
Да какъ у хозяина (имя рекъ)
Какъ во горенкѣ у ихъ
Стоитъ тесовая кровать,
Да на тесовой на кровати
Да пухова́я перина́.
Да на пуховой на перинѣ
Тутъ бѣла́я простыня.
Да какъ подушечки тѣ были
У ихъ шо́лковые,
Одѣялышко лежало
Тутъ чёрного соболя,
Да тутъ и спитъ опочиваетъ
Тутъ вѣдь самъ-отъ господинъ
Да со своею госпожею,
Да со умною жоной.
Межъ има-то вѣдь каталса
Да злаченъ перстень,
Да не злачёнъ перстень катался—
Крѣпка дума́ межъ има.
Они думали гадали
Да ясна сокола сряжали.
Да ясёнъ соко́лъ летитъ,

Да имъ куниць-то догонúтъ
На житье имъ на бытье,
Да на богатесьво.
Да выходилъ вѣдь господинъ
Да на прекрасноё крыльцё.
Да выносилъ онъ господинъ
Да онъ серебряной рупь,
Да подарилъ онъ господинъ
Да виноградчицей.
Да выходила госпожа
Да на прекрасноё крыльцё,
Да выносила госпожа
Да золоту гривну,
Подарила госпожа
Да виноградчицей.
Да выходили малы дѣти
На прекрасноё крыльцё
Да выносили мáлы дѣти
Да бѣлъ крупичатой калачь.

НЕБЫЛИЦА.

Небылиця въ лицяхъ небывальшына,
Да небывальшына, да неслыхальшына.
Старину спою да стародавною,
Да небылиця въ лицяхъ, небывальшина,
Да небывальшына да неслыхальшына.
Ишша сынъ на матери снопы возилъ, [1])
Все снопы возилъ, да все коноплены.
Какъ старá матерь да въ кореню была,
Молода жона да въ пристяжи была.
Какѣ старý матерь да попонюгивалъ,
Молоду жону да присодерживалъ.
На гори корова бѣлку лаела,
Ноги росширя, да глаза выпуча.
Ишша курица подъ осѣкомъ [2]) траву сѣкетъ,
Какъ овця въ гнѣзди да яицё садитъ.
По поднебесью да сѣръ медвѣдь летитъ.
Онъ ушками, лапками помахивалъ,
Онъ чернымъ хвостомъ да принаправливалъ.
По синю морю да жорнова пловутъ,

---

[1]) Послѣ каждаго стиха припѣвъ: «да небылиця...».
[2]) Заборъ.

Жорнова пловутъ да тутъ пѣвунъ поетъ.
Какъ гулялъ гулейко [1]) сорокъ лѣтъ за печью,
Ишша выгулялъ гулейко ко печьню столбу.
Какъ увидѣлъ гулейко въ лоханки воду:
«А не то-ле, братьци, все синё морё?»
Какъ увидѣлъ гулейко, изъ чяшки ложкой шти хлебаютъ:
«А не то-ле братци, корабли бѣжать,
«Корабли бѣжать, да все гребци гребутъ?!»

---

[1]) Тараканъ.

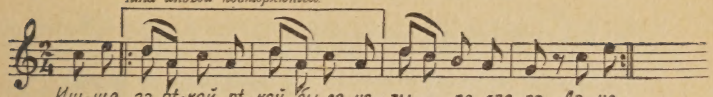
Бабушка выступила со своими старинами въ Москвѣ, Твери и Петроградѣ: 8 разъ публично, въ научныхъ и литературныхъ кружкахъ 4 раза; въ 5 высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ 40 среднихъ и 6 низшихъ.

Какъ не растерялась старая нищенка передъ лицомъ тысячной толпы?

Это тайна артистической власти. Пусть она неграмотная нищенка, а въ первыхъ рядахъ сидятъ знатные, богатые, ученые, — но бабушка властвуетъ надъ ними, потому что въ эту минуту чувствуетъ себя и богаче и ученѣе всѣхъ слушателей. Она поетъ «Небылицу», эту пустую, забавную чепуху и такъ властно приказываетъ всѣмъ подтягивать, что тысячная толпа, забывъ свой возрастъ и положеніе, въ это мгновеніе полна однимъ желаньемъ: угодить лѣсной старушенкѣ. Обаяніе ея личности, твердой, свѣтлой, и радостной, выкованной дивнымъ сѣверомъ, отражается въ ея исполненіи, и такъ понятенъ воз-

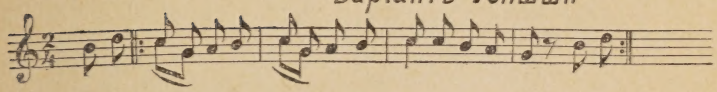
гласъ толпы, одинаковый во всѣхъ городахъ: «Спасибо, бабушка!» Такъ понятно желаніе тысячи человѣкъ пожать старую, сморщенную руку, всю жизнь горестно протягивавшуюся за подаяніемъ, пожать съ чувствоиъ любви и уваженія къ бабушкѣ, какъ къ образу нашего народа.

Усишша

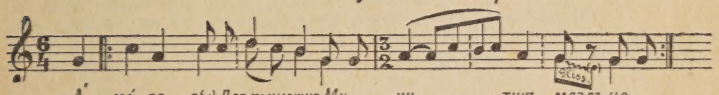


Иш-шо за рѣ-кой, рѣ-кой бы-ло че-ты – ре дво-ра, Да че-
ты - ре дво-ра, да изъ во-ро-ты) во-ро-та; иш-що
{Жилъ та-кой кре-стья – нинъ, онъ
со-ло-ду не рос-тилъ за-всег-да пи-во ва-рилъ онъ и
де-негъ не-ку=етъ да день-ги взай-мы да-етъ; онъ и
жилъ та-ки у сиш-ша и т.д.

Варіантъ Усишши

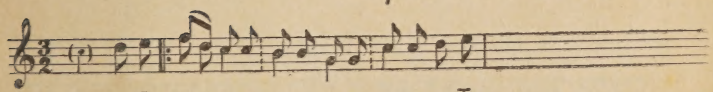


Купанье Добрыни



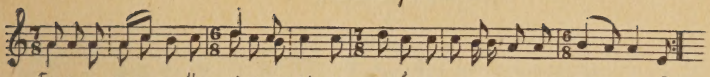
А мо-ло дцы) Доб-рынюшка Ми — ки — тичъ младъ не
въ полномъ у — ми, не въ полномъ ра — зу — ми, не въве-
ли-комъ доб — ры нюш-ка воз — рас-ти, на-дъ-
ва-етъ доб — рыня плат-ье цвѣт — но — е и.т.д.

Кастрюкъ



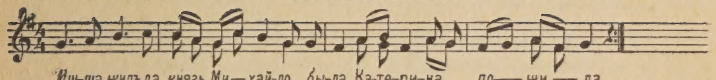
(А...) во Та — у-лі-и во го — ро — ди, да во Тау-
у-лі-и хо-ро — шем — (е), по-из-
волилъ нашъ царь го-су-дарь да царь И-
ванъ(ы) Ва — силь-е — вичъ etc.

Иванъ Грозный



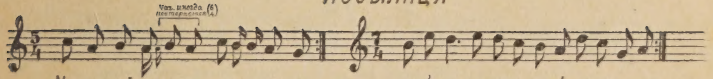
Было у насъ во Ца—рѣ го-ро-дѣ да не бы-ло ни дя-ди-ны, ни вот-чи-ны, Да
жилъ какъ бы—л(ы) про-зви—тель царь, Про—звитель отъ царь И-ванъ Ва—силь-е-вичъ; Бы-
ла семь-я е-го лю-би—ма-я, а былъ у не-го толь-ко боль-шой сынъ и т. д.

Князь Михайло



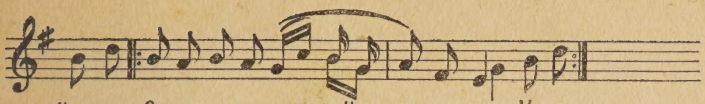
Иш-ша жилъ да князь Ми—хай-ло, бы-ла Ка-те-ри-на по—жи—ла
А бы-ла вѣдь дочь Нас—тась-я да-ча-до ми-ло—е у нихъ
го-во-рилъ, какъ князь Ми—хай-ло да онъ кня—ги-нѣ по—жи—лой: etc.

Небылиця

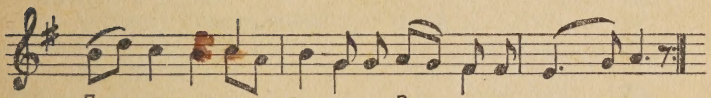


У чест-ной вдовы да у не-ни-лы не-бы-ли-ця въ ли-цяхъ не-бы-валь-шы-на, да
А у ей бы-ло ча-до Ва-ви-ло etc. не-бы-валь-шына да не слы-хальшы-на etc.

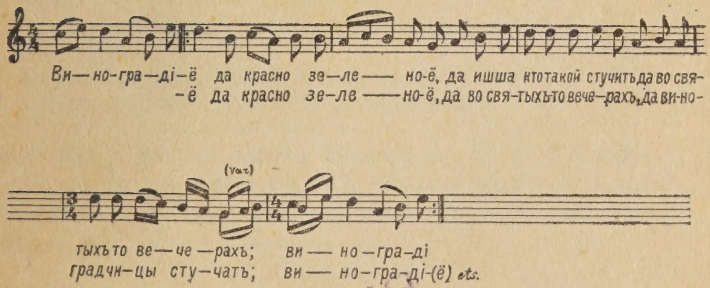
Стихъ о Егоріи



Вознесенье



Виноградіе



КОПІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Отъ автора . . . . . 5—16, 73—75, 95 и 115—116
Соловей Будемеровичъ и Запава Путевиськя 17
Илья Муровичъ и Калинъ Царь. 27
Илья Муровичъ и чудище 38
Молодость Добрыни и бой его съ Ильей Муровичемъ . 46
Купанье Добрыни и бой его со Змѣемъ Горынищемъ . 53
Иванъ Грозный. 56
Смерть Князя Долгорукого 61
Князь Дмитрій и Домна. 63
Молодецъ Добрыня губитъ невинную жену 68
Князь Михайло. 70
Вавило и скоморохи 77
Усишша 85
Кастрюкъ 87
Вознесеніе 97
Микола. 99
Михайло Архангелъ 100
Егорей 103
Виноградье 109
Небылица 112

Приложеніе.

Мелодіи:

Усишша, Варіантъ Усишши, Купанье Добрыни, Кастрюкъ 117
Иванъ Грозный, Князь Михайло, Небылищя . . . 119
Стихъ о Егоріи, Вознесенье, Виноградіе. 121

Обложка и титулъ работы художницы *Е. В. Гольдингеръ*. Портреты съ фотографіи *А. Черепановой* и *А. Антоновой*. (Atelie Genre Gravure. Petrograd). Мелодіи записаны съ голоса *В. Г. Каратыгинымъ*.

Петроградъ, дозволено военной цензурой, 24 марта 1916 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Т-ва „ОГНИ“.

Петроградъ, Фонтанка, 80. Телеф. 252-56.

Собственныя изданія:

Аксаковъ, К. С. Сочиненія. Т. I. Редакц. и прим. Е. А. Ляцкаго. 1915 г., ц. 3 р.

Библіотека мемуаровъ. Мое время. *Григорія Винскаго.* Ред. П. Е. Щеголева. 1914 г., ц. 1 р. 25 к.

Библіотека мемуаровъ. Записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго. Ред. П. Е. Щеголева. 1914 г., ц. 2 р. 25 к.

Библіотека мемуаровъ. Записки несчастнаго. *(В. П. Колесникова)*, содержащія путешествіе въ Сибирь по канату. Ред. П. Е. Щеголева. 1914 г., ц. 1 р. 25 к.

Библіотека мемуаровъ. *В. М. Хижняковъ.* Воспоминанія земскаго дѣятеля. Предисловіе *В. Я. Богучарскаго.* (Заканч. печатаніемъ).

Бородинъ, Н. А. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Россія. Съ 29 діагр. и картой. 1915 г., ц. 2 р. 50 к.

Бѣлинскій, В. Г. Избранныя сочиненія, подъ ред. проф. А. К. Бороздина со вступ. стат. и примѣч. 1914 г., ц. за двѣ части 1 р. 25 к.

Бѣлинскій, В. Г. Письма. Т. I—III. Ред. и прим. Е. А. Ляцкаго. 1914 г., ц. 7 р. 50 к.

Буало. Поэтическое творчество. Ред. прив.-доц. П. С. Когана. 1914 г., ц. 40 к.

Былины. Старинки богатырскія. Тексты избраны Е. А. Ляцкимъ. Изданіе художеств. 1914 г., ц. 2 р.

Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроники 1770 — 1838 гг. Е. А. Сабанѣевой. Ред. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго. 1914 г., ц. 1 р.

Воспоминанія А. Л. Лабзиной. Съ предисл. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго. 1914 г., ц. 1 р. 75 к.

Вундтъ, М. Греческое міровоззрѣніе. Перев. Ф. Д. Капелюша. 1915 г., ц. 1 р. 25 к.

Гиппіусъ, З. Зеленое кольцо. Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ. Ц. 1 р. (заканчив. печатаніемъ).

Джордано Бруно. Изгнаніе торжествующаго звѣря. Перев. А. Золотарева. 1914 г., ц. 1 р. 50 к.

Дневникъ В. С. Аксаковой. (1854—1855). Ред. и прим. кн. Н. В. Голицина и П. Е. Щеголева. 1913 г., ц. 1 р. 25 к.

Иностранные художники. Пювисъ де-Шеваннъ. Текстъ Я. А. Тугендхольда съ портретами и репродукц. 1911 г., ц. 1 р.

Книга о святомъ Францискѣ Ассизскомъ. Предисл. и перев. В. Конради. 1913 г., ц. 3 р.

Кондратьевъ, А. А. Графъ А. К. Толстой. 1912 г., ц. 1 р.

Корниловъ, А. А. Русская политика въ Польшѣ со времени раздѣловъ до начала XX вѣка. 1915 г., ц. 80 к.

Къ новымъ далямъ. Сборн. стихотвор. соврем. поэтовъ. (1900—1910). Составила Л. Д. Свербеева. 1911 г., ц. 90 к.

Лёви. Греческая скульптура. Перев. В. Г. Конради. 1915 г., ц. 3 р. 50 к.

Ляцкій, Евг. Гончаровъ. Жизнь. Личность. Творчество. Изд. 3-е. (Печатается).

Мережковскій, Д. С. Будетъ радость. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. (Заканч. печатаніемъ).

Пушкинъ, А. С. Собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Ред., вступ. статья и прим. П. О. Морозова. 1915 г., ц. за четыре тома 1 р. 60 к., въ папкѣ 2 р.

Пыпинъ, А. Н. Религіозныя движенія при Александрѣ I. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. К. Пиксанова. Ц. 4 р.

Пыпинъ, А. Н. Русское масонство. XVIII и XIX в. Редакція и примѣчанія Г. В. Вернадскаго. (Заканч. печатаніемъ).

Роденъ, А. Искусство. Перев. Л. М. со многими иллюстр. Изд. 2-е. 1914 г., ц. 1 р. 75 к.

Русскіе художники. Суриковъ. Текстъ В. А. Никольскаго съ портр. 1911 г., ц. 1 р.

Садовскій, Б. Пятьдесятъ лебедей. Стихотвор. (1909—1911). 1913 г., ц. 1 р.

Сказки. Утѣхи досужія. Вступ. стат. Е. А. Ляцкаго. Изд. худож. 1915 г., ц. 2 р.

Стихи духовные. Словеса золотыя. Вступ. стат. Е. А. Ляцкаго. Изд. худож. 1912 г., ц. 2 р.

Тепферъ, Р. О прекрасномъ искусствѣ. 1913 г., ц. 90 к.

Тургеневскій сборникъ. Статьи и изслѣдованія по неизд. матер. Тургеневскаго кружка подъ рук. Н. К. Пиксанова. 1915 г., ц. 1 р. 75 к.

Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными (1865—1875). Со статьей Е. А. Ляцкаго и прим. М. Н. Чернышевскаго. Вып. I—III. 1912—1914 г., ц. 6 р.

Эшеръ, Р. Пангерманизмъ. Сокращ. переводъ съ англійскаго В. Я. фанъ-деръ-Флита. (Заканч. печатаніемъ).

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ

подъ ред. **С. С. КОНДУРУШКИНА.**

Заканчиваются печатаніемъ:

Кондурушкинъ, С. С. Въ солнечную ночь. Ц. 1 р.
Гребенщиковъ, Г. Д. Змѣй Горынычъ. Ц. 1 р.

Печатаются:

Шишковъ, В. Я. Сибирскій сказъ.
Спиридоновъ, М. Райскій садъ.
Каргрэмъ, Г. На груди природы.
Латышскій сборникъ современной литературы. Редакція и статья *А. Деглавъ.*
Армянскій сборникъ современной литературы. Редакція и статья *М. Шагинянъ.*

„Огни“. Литературно-критическій сборникъ по исторіи и исторіи литературы подъ ред. *Е. А. Ляцкаго, Б. Л. Модзалевскаго* и *А. А. Сиверса.*

Изданія „ГРЯДУЩІЙ ДЕНЬ“.

Вагнеръ, Р. Моя жизнь. 5 томовъ на бумагѣ верже. Т. I—III. Мемуары. Цѣна за 3 тома 9 р. 50 к., въ изящн. переплетѣ 11 р. 75 к.

Т. IV. Письма, дневники. Съ иллюстр. ц. 5 р. въ перепл. 5 р. 75 к.

Т. V. Людовикъ II, король Баварскій. Къ исторіи жизни и творчества Р. Вагнера. Моногр. В. Александровой. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 75 к.

Вагнеръ, Р. Моя жизнь. 5 томовъ на веленевой бумагѣ. Ц. 28 р.

Виллари, П. Дж. Савонаролла и его время. Иллюстриров. изд. на веленевой бумагѣ. Т. I—II, цѣна 8 р., въ изящн. пер. 10 р.

Виллари, П. Никола-Макіавелли и его время. Т. I. Съ иллюстр., ц. 3 р. 50 к.

Вельфлинъ, Г. Ренессансъ и барокко. Ц. 2 р. 75 к. въ переп.

Гриммъ, Г. Микель-Анджело Буонаротти. Иллюстриров. изд. Вышли I—IV вып. по 2 р. 25 к. Выпускъ V заканч. печатаніемъ.

Городецкій, С. Цвѣтущій посохъ. Книга стих. Ц. 1 р.

Городецкій, С. Пять воздушныхъ поцѣлуевъ. Сказка съ иллюстр. Ц. 80 к.

Петровъ-Водкинъ, Н. Аойя. Приключеніе Андрюши и Кати въ воздухѣ, на землѣ и подъ землей. Съ иллюстр. Ц. 2 р.

Реми де-Гурмонъ. Книга масокъ. Характерист. франц. писателей. Съ 53 рис. Ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 75 к.

Фарбманъ, М. Архитектура итальянскаго Ренессанса. Съ иллюстр. Ц. 80 к.

Фромантенъ. Старинные мастера. (Фламандское и Голландское искусство). Съ иллюстр. Ц. 3 р.

Христіанство въ освѣщеніи протестантскихъ теологовъ. Сборн. статей. Ц. 1 р.

Книги кн. С. М. Волконскаго.

Человѣкъ на сценѣ. Ц. 1 р. 50 к.
Выразительный человѣкъ. Ц. 2 р.
Отклики театра. Ц. 1 р. 50 к.
Разговоры. Ц. 1 р. 50 к.
Выразительное слово. Ц. 1 р. 50 к.
Художественные отклики. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія М. Н. Чернышевскаго.

Н. Г. Чернышевскій. Полное собраніе сочиненій, въ 10 томахъ (11 книгъ)—7400 стр., съ 4-мя портретами автора, изд. М. Н. Чернышевскаго. Ц. 18 р., а въ перепл. 24 р. (на перепл. скидки нѣтъ).

Н. Г. Чернышевскій. Отдѣльныя изданія его сочиненій:
Прологъ. Романъ Ц. 1 р.
Что дѣлать и Прологъ (оба романа въ одной книгѣ). Ц. 1 р. 50 к.
Милль—Политическая экономія (переводъ и примѣчанія). Ц. 2 р.
Статьи по крестьянскому вопросу. Ц. 2 р.
Замѣтки о литературѣ 1856—1862 гг. Ц. 2 р.
М. Н. Чернышевскій. О Чернышевскомъ. Библіографія. 1854—1910. Изд. 2-е, испр. и доп. Птр., 1911 г. Ц. 50 к.

Поступили на складъ:

А. Вѣтровъ. Во что сегодня вѣритъ Германія? Изд. «Корабль». 1916 г. Ц. 65 к.
О. Генри. Сердце запада. Разсказы. Перев. съ англійскаго. 1916 г., ц. 1 р. 50 к.
Записки **Д. Н. Свербеева.** (1799—1826). Т. I и II. Ц. 4 р.
С. М. Майкапаръ. Музыкальный слухъ. Съ рисунками и нотными примѣрами въ текстѣ. Изд. 2-е, испр. и. дополненное. Птр. 1915 г. Ц. 1 р. 75 к.
Л. Н. Модзалевскій. Для дѣтей. Стишки. Съ 35 рисунками. Е. Нарбута. 1916 г. Ц. 80 к.
А. А. Сиверсъ. Генеалогическія развѣдки. Выпускъ I. 1913 г. Ц. 2 р. 75 к.
Ж. д'Удинъ. Искусство и жестъ. Перев. съ фр. 1911 г., ц. 1 р. 50 к.
М. Чайковскій. Сонеты Вильяма Шекспира. Ц. 1 р. 75 к.
Н. Н. Чебышевъ. Обвинительныя рѣчи. 1903—1913 гг. Ц. 2 р.
Г. Чулковъ. «Судьба Россіи». Бесѣда о современныхъ событіяхъ. Изд. «Корабль». 1916 г. Ц. 65 к.
Марсель Швобъ. Книга Монэль. Переводъ К. Бальмонта и Елены Ц. Изд. т-ва Голике и А. Вильборгъ. Ц. 50 к.

Имѣются на складѣ всѣ изданія **М. В. Аверьянова, О. Богдановой, „Задруги“, „Науки“, К. Ф. Некрасова, „Прибой“** и др.

Складъ высылаетъ всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ по первому требованію наложеннымъ платежомъ.

87056

6

Мк-291294

39 № 1